

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Стрекоза
летит на север

Юлия Владимировна Климова

Стрекоза летит на север

Серия «Анастасия Ланье»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31540951
Стрекоза летит на север: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-091468-5

Аннотация

До шестнадцати лет Настя жила в деревне, зная лишь бедность и равнодушие опекающей ее женщины. И казалось, так будет всегда. Но судьба преподнесла девушке необычный сюрприз в виде неожиданно объявившейся бабушки, владелицы ювелирной империи. Теперь у Анастасии будут новый дом и новая жизнь, но ждет ли ее на этом пути счастье? Имеет ли право наследница любить того, кого выбрала сама?

В книгу входят романы, издававшиеся ранее под названием «Счастье на тонких ножках» и «Действуй, принцесса!»

Содержание

Часть 1. Чужой дом	5
Глава 1, в которой я рассказываю о своем детстве и первой любви (конечно же, самой настоящей)	5
Глава 2. Я попадаю в переделку, но на помощь спешит прекрасный принц...	30
Глава 3. В моем личном мире происходит очередное землетрясение	47
Глава 4. Любовь – это очень хорошая штука, особенно когда она взаимна...	60
Глава 5, в которой я становлюсь взрослой, а также узнаю тайну своей фамилии	78
Глава 6. Мой новый дом, или «Нам о многом нужно поговорить, не так ли?»	90
Глава 7. Меня немножко похищают и немножко шокируют...	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Юлия Климова

Стрекоза летит на север

© Климова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть 1. Чужой дом

Люди богаты тем, что сами вокруг себя создают. Двери ограждают их от того, что им чуждо, и от тех, с кем им не по пути.

Малгожата Домагалик

Глава 1, в которой я рассказываю о своем детстве и первой любви (конечно же, самой настоящей)

Раннее детство я не помню. Пожалуй, в памяти сохранились лишь запахи, но кому они принадлежали, что это были за люди?... Загадка, которую никогда не удавалось разгадать. Иногда мне казалось, что лет до пяти я с отцом и матерью кочевала из страны в страну, не задерживаясь на одном месте больше пары недель. Мне даже мерещились огромные слоны, высоченные жирафы и страшные полосатые тигры. Воображение торопливо рисовало то песчаный берег, то непроходимые джунгли, то снежные пики гор. Иногда, наоборот, позабытая жизнь представлялась однообразной и скучной до дремоты, и тогда в ушах начинал звенеть колокольчик, и раздавалось настойчивое тиканье часов. Но запахи... Запахи всплывали постоянно. Одни и те же. Они щекотали нос и

отчего-то повышали настроение. Я закрывала глаза и улыбалась.

Резкий, терпкий, почти удушливый... Мужской или женский? Я не знаю.

Теплый, цветочный, солнечный – наверное, мамин. Мне нравится так думать.

Табачный, аптечный, хвойный – вперемешку. И опять вопрос – чей он?

Слишком крепкий, но бархатный, сладкий и отталкивающий одновременно...

О, если бы можно было их схватить, приоткрыть, как какую-нибудь коробочку, и заглянуть внутрь! Но увы...

Зато я помню почти все, что со мной происходило после шести лет. Однажды я проснулась, и... взгляд сначала коснулся потолка, посеребрившего от старости и миллиона извилистых трещин, затем махровой паутины с дохлой мухой, потом пыльной люстры, напоминающей самую обыкновенную трехлитровую банку, и выцветших желтых штор с двумя большими дырками посередине.

– Проснулась? Вставай. Нечего валяться, – раздался незнакомый ворчливый голос.

Я повернулась на бок и увидела невысокую полную женщину в цветастом халате. Рыжий пучок на голове, маленькие глазки, крючковатый нос и тяжелый подбородок делали ее похожей на ведьму или кикимору, и я, конечно, мгновенно струхнула. Натянула одеяло до ушей, задержала дыхание и

зажмурилась. Умей я превращаться в букашку и прятаться в складках постельного белья, то непременно бы так и поступила, но, к сожалению, у меня не было волшебных способностей, поэтому я обреченно приготовилась к худшему.

Долго ждать не пришлось, уже через минуту я вновь услышала едкий голос женщины...

Хозяйка дома не имела ничего общего с отрицательными персонажами сказок (если не считать ее характера), и наша встреча объяснялась просто: в жизни есть плохое и хорошее, и уж кому как повезет...

Тамара Яковлевна Зубенко приходилась мне дальней родственницей и, в силу трагических обстоятельств, была вынуждена взвалить на свои плечи груз неимоверной ответственности, а именно: воспитание «несчастной сироты, которая наверняка окажется неблагодарной и лет через семь-восемь либо устроит поджог, либо разболеется и назло помрет». То есть речь шла о моем воспитании.

Тамара Яковлевна коротко сообщила, что мои родители погибли в автомобильной катастрофе, и отныне и навсегда я – ее «послушная племянница», а она – моя «замечательная тетя Тома». И еще, заметила она, «следует сказать спасибо, потому что в приютах сейчас недобор».

Честно говоря, в тот момент мне хотелось заполучить какую-нибудь другую тетю, но выбирать не приходилось, и, так как в голове было пусто, я лишь тихо вздохнула в ответ и без особых эмоций приняла условия. Расплывчатые образы

мамы и папы промелькнули передо мной, но я не стала прижимать их к груди – это я собиралась сделать позже, когда останусь одна.

Странно, я знала некоторые имена, умела читать, считать, могла пересказать огромное количество сказок, хорошо ориентировалась в других вопросах, но тем не менее оставалась маленькой девочкой без прошлого. Довольно долго меня эта проблема особо не беспокоила – часть души крепко спала, не желая дополнительной правды. Намного позже я все же стала проявлять интерес, однако любопытство на корню было безжалостно задушено тетей Томой.

«Там, где ты жила раньше, уже трава выросла по пояс! – гаркала она, заводясь с пол-оборота. – Или умные люди небоскреб построили! Хватит маяться дурью!»

Обычно разговор обрывался, толком не начавшись, и со временем я махнула рукой на ту пустоту, которая не мешала мне бегать босиком по деревне, перелезать через заборы, подбирать с земли яблоки, печь в углях картошку, обжигать ноги крапивой и совершать кучу немыслимых поступков, не одобряемых тетей Томой. За плохое поведение она наказывала меня однообразно, но с удовольствием: или таскала за ухо, или запирала на чердаке, или стегала хворостиной, или лишала обеда и ужина. И всегда при этом кричала так громко, что соседские куры начинали нервно кудахтать и неслись, выстреливая разом по три яйца.

Учеба в школе мне давалась легко, даже по музыке я умуд-

рялась получать четверки и пятерки, хотя ни слуха, ни голоса не имела. Пожалуй, мне не хватало терпения и аккуратности, да и богатое воображение частенько мешало сосредоточиться, но на эти минусы учителя закрывали глаза, жалея «несчастную сироту».

Лет до десяти я действительно вызывала жалость, потому что была бледной и тощей, носила одежду на пару размеров меньше, чем нужно, постоянно шмыгала носом и болела. В пылу гнева тетя Тома отстригла мне волосы, и я напоминала мальчишку-пастуха, заблудившегося и прожившего в лесу не меньше двух месяцев. Учителя подкармливали меня то пирожком, то котлетой, а библиотекарьша Валентина Сергеевна, до невозможности добрая женщина, приглашала к себе на борщ и несколько раз приносила тете Томе тук с девчачьей одеждой, за что получала благодарность – «Спасибо, голубушка, мы бы без вас замерзли этой зимой!» – и клятвенное заверение: «Приодену свою горемыку уже к завтрашнему дню, не волнуйтесь». Я радовалась и млела.

Выпив лишнего, тетя Тома любила хорошенько «вжарить государству». Она ругалась, била посуду, грозила в окно кулаком, а затем, устав, хватала зеленую замусоленную тетрадь и принималась складывать цифры столбиком. Прикинув на бумаге очередную сумму долга, она минимум полчаса сокрушалась, что растит меня задарма, не получает необходимых пособий, «и вообще пора всех гнать из правительства поганой метлой!».

Но наша бедность была какой-то однобокой и непонятной. Тетя Тома считала каждую копейку и при этом покупала себе такую одежду, которой не было ни у кого в округе, — явно безумно дорогую. Раза два в сезон она быстро собиралась и уезжала, а возвращалась с пухлыми сумками, пакетами и коробками. Обновки же она никогда не носила, а складывала в чемоданы на чердаке и берегла как зеницу ока. Очень боялась, что украдут или начнут завидовать и на наш дом обязательно свалятся напасти. А когда тетя Тома перебирала свое имущество, а случалось это часто, она пела и хохотала, отчего стекла в окнах дрожали и рюмки в буфете позвякивали. Я в такие вечера всегда старалась смотреть подальше...

Лет в одиннадцать я окунулась с головой в мир книг. Читала, читала и читала, пока не затекала спина или сон не валил с ног — придуманные миры, плохие и хорошие герои тянули меня к себе, не отпускали. Устроившись в библиотечной комнате на подоконнике, переворачивая страницы, я негодовала, удивлялась, злилась, переживала и мечтала о точно таких же приключениях. Мне хотелось тайно, под покровом ночи, покидать страну, плести интриги, острыми фразами побеждать врагов, отправляться в кругосветное путешествие, танцевать на балу, совершать подвиги... Валентина Сергеевна подсовывала мне очередной томик, улыбалась и говорила: «Эта история тебе точно понравится, не сомневайся». А я и не сомневалась, проглатывала все подряд и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Даже если бы библиотека находилась не в пристройке к школе, а за тридевять земель, я бы все равно каждый день преодолевала огромное расстояние, предвкушая встречу со старенькими потрепанными книгами.

– Настя, ты сегодня ела? – спрашивала Валентина Сергеевна.

– Ага, – кивала я, хотя обед был пропущен и голод уже давал о себе знать.

Но особенно я обожала романы, в которых присутствовала любовь: чтобы *он* и *она* познакомились, втрескались друг в друга по уши, потом сокрушили преграды и поженились. Сердце от волнения колотилось так, что в груди становилось горячо, я нервно кусала губы и за пару часов сгрызала карандаш до непригодного состояния. Если концовка истории была плохой, я возвращалась домой, падала на свою скрипучую кровать и рыдала, проклиная злодейку-судьбу, глупость героев и заодно жестокого, бессовестного автора. Любовь всегда должна быть прекрасной! Что это за чувство, которое не выдерживает испытаний? Ерунда. Я бы выдержала все! И сколько угодно! Я бы не отдала, не отпустила. Ни за что!

А еще я не могла оторваться от журналов. Листая их, рассматривая фотографии, я представляла себя и умопомрачительной красавицей, сидящей на скамейке в парке, и известнейшей актрисой, шагающей в белом платье по красной ковровой дорожке, и деловой женщиной в строгом костюме, держащей в руке плоский портфель. Но я очень сомневалась,

что где-то есть настолько другая жизнь...

Тринадцатилетие ознаменовалось для меня двумя важнейшими событиями. Прямо в день рождения я получила от судьбы два невероятных подарка, которые потрясли меня до глубины души и наполнили последующие дни восторгом и волнением. Покой улетучился с такой скоростью, что некоторое время я пребывала в полуобморочном состоянии и вполне заслуженно получала от тети Томи шлепки и крепкие словечки. Я спотыкалась на ровном месте, улыбалась невпопад, проливала чай на скатерть, вертелась около зеркала и то радовалась, то огорчалась...

В тот день, десятого февраля, погода, как назло, испортилась. Я ждала солнца, но небо заволокло тучами, температура опустилась до двадцати четырех градусов, ледяной ветер завывал и обжигал щеки, да еще добавился снегопад... Полтора километра до школы – не слишком большое расстояние, привычное, но в то утро оно мне казалось бесконечным.

Зимние ботинки развалились, и я надела осенние, старенькая коричневая куртка совершенно не спасала от холода, вязаная шапка тети Томи съезжала назад и не грела. Лилька, одноклассница и подруга, увидев меня, стала подпрыгивать на месте и хлопать себя руками по бокам. Мы с ней из разных деревень и всегда встречались в одно и то же время на развилке.

– Опаздываем! – выпалила она, морща нос. – Я тебя жду, жду... Холодина!

– Ага, – согласилась я. – Тетка задержала...

– Ой, поздравляю с днем рождения! – Лилька перестала подпрыгивать и улыбнулась до ушей. – Желаю счастья, здоровья и всего самого хорошего!

– Спасибо.

Зуб на зуб не попадал, и мы быстрым шагом устремились дальше, продолжая разговор на ходу.

– А что тебе тетка подарила? – с любопытством спросила Лилька, прищурившись. Моя жизнь ей часто казалась удивительно-непонятной, наверное, потому, что наши семьи были совершенно разные.

– Шапку, – коротко ответила я.

– Эту?

– Да.

– Но она... ну... странная какая-то.

– Ты кого имеешь в виду? Тетку или шапку?

– Тамара Яковлевна само собой немножко того... Я про шапку!

Лилька считала себя модницей. Во-первых, ее мама шила отличные вещи, благодаря чему даже несколько раз побывала в Большом Доме, построенном пять лет назад московскими богатеями на берегу озера. Семья Акимовых, проживающая в двухэтажном особняке, давно обросла легендами и тайнами и вызывала живейший интерес буквально у всех. Во-вторых, прошлым летом Лилька коротко постриглась, подражая какой-то французской певице, и теперь меч-

тала покрасить волосы в яркий, почти оранжевый, цвет. Она собиралась сделать это еще под Новый год, но натолкнулась на стену непонимания со стороны бабушки, расстроилась и отложила перевоплощение на другую дату. «Представляешь, – возмущалась Лилька, – она пообещала содрать с меня три шкуры! Сказала, что это прямая дорога в ад, и назвала меня перспективной блудницей. Интересно, откуда она такие слова знает?..» Я тоже мечтала перекрасить свои скучные светлые волосы в шоколадный цвет, но не в ближайшем будущем, а лет через десять-пятнадцать. В-третьих, у Лильки была потрясающая сумка с кисточками на кармашках и разноцветными бусинками на ремне. Это чудо ей прислала из Санкт-Петербурга старшая двоюродная сестра.

– Шапка мне просто велика. – Я пожала плечами. – Ее раньше тетя Тома носила, а потом она ей разонравилась.

– Понятно, – многозначительно выдала Лилька, и мы, переглянувшись, захихикали.

Пять уроков тянулись бесконечно. Я совершенно не могла настроиться на учебу, поэтому сидела тихо, практически не шевелясь, и мечтала.

Тринадцать лет – это же много?

Да, я уже взрослая.

Но что изменилось?

Мне хотелось чего-нибудь нового, необыкновенного, особенного, но в голову лезла какая-то ерунда: а если устроить скромную вечеринку на чердаке (невозможно, потому что

невозможно), а если купить билет на поезд и умчаться на юг или на север (невозможно, потому что невозможно), а если раздобыть косметику, накраситься и... И что дальше? Нет, все не то... Я вздыхала и бросала короткие взгляды на Лильку. Тихая грусть и детская глупая зависть переполняли душу до краев. У моей подруги была семья: мама, папа, бабушка, дедушка плюс многочисленная родня. И они все воевали между собой с утра до вечера, а затем так же шумно мирились и рыдали от умиления. Они собирались по выходным за круглым столом, изредка куда-нибудь ездили или ходили друг к другу в гости. Лилька рассказывала, что много лет назад, когда она еще не родилась, ее близкие пять месяцев придумывали ей имя: спорили до потери сознания, ругались, сгоряча делили имущество, ходили к провидице, изучали словари и в конце концов уговорились, выбрав – Лилия. Имя редкое, но, как ни странно, строгая бабушка его одобрила – видимо, сказалось увлечение любовными романами. Я никогда не была у них в доме, но не сомневалась, что в комнатах уютно, тепло, а на кухне всегда пахнет пирогами.

– Пойдем к озеру, – предложила Лилька после уроков. – Колька сказал, что Акимовы приехали на новой тачке – огромной, с рисунком! Вроде огонь нарисован и черная пантера... Врет, наверное, но все равно давай сходим и посмотрим, а?

Дом у озера мы называли Большим Домом – с заглавных букв, уважительно. Мы не знали, кто там живет постоянно, а

кто бывает наездами, но, по слухам, хозяевами были пожилой мужчина, вечерами попыхивающий трубкой на балконе, и его чудаковатая жена, обожающая пуделей и розовый цвет. Именно она как-то обратилась к Лилькиной маме с просьбой укоротить платье. Так же на участке частенько видели высокую блондинку лет сорока, полного мужчину с пышными усами, двух старушек, нервную дамочку, а еще мальчика и девочку. По разведданным Кольки, «на буржуев Акимовых батрачили» шофер, садовник, домоправительница (похожая на Фрекен Бок), повариха и три служанки. Я подозревала, что он врет и количество обслуживающего персонала можно смело поделить на два. Но, с другой стороны, это могло быть и правдой – по словам Лилькиной мамы, коридоры и комнаты Большого Дома обставлены очень богато, и не так-то просто убрать на двух этажах («а чисто там и красиво, как в музее»).

– Ладно, пойдем, – согласилась я, хотя тащиться по морозу к озеру мне совершенно не хотелось. Но мечты о вечеринке на чердаке и путешествии на юг или север сбыться все равно не могли, а к тете Томе я уж точно не спешила.

Пройдя полпути, я стала мечтать о большой тяжелой шубе, шерстяных носках и валенках, а также о том, чтобы меня посадили на лопату и отправили в печь!

– Чертова холодина! – выругалась Лилька, растирая и без того красный нос. – Ну, если Колька обманул и мы не увидим машину с пантерой, я его убью!

– И я его убью тоже, – буркнула я, вжимая голову в плечи. О, если бы у меня был шарф! Широкий, длиннющий, с разноцветными полосками! Я бы обмоталась им пять раз (или шесть!) и согрелась. Уверена, я бы не мерзла, и мое горло, открытое всем ветрам, не готовилось бы к очередной простуде.

Забор Большого Дома представлял собой кирпичную стену, прерывающуюся в двух местах воротами. К главным кованым воротам редко кто подходил из местных (маячить перед Акимовыми желания не возникало), а вот вторые ворота, те, что ближе к лесу, вызывали живейший интерес у мальчишек (через сетку можно было увидеть приличный кусок дома, часть участка, гараж и беседку).

– Смотри! Машина! – воскликнула Лилька, проткнув пальцем воздух. – И картинка есть, правда есть!

Я с удивлением уставилась на рисунок, потому что раньше такого чуда не видела. Машина была большой, серебристой и напоминала каплю воды, в которой отражался весь мир. Нарисованный огонь полыхал на боку, а из него выпрыгивала черная гибкая пантера.

Мы прижались к воротам и замерли, любуясь.

– Везука им, да? – выдохнула Лилька, и изо рта у нее вырвались клубы белого пара.

– Ага, – кивнула я и улыбнулась.

Откуда взялась эта непонятная радость – не знаю, а только мне вдруг стало необыкновенно хорошо, даже холод от-

ступил на второй план. Я представила себя свободной дикой кошкой, такой же грациозной, красивой, летящей в прыжке через пропасть, и... И моя губа прилипла к воротам! Не сразу сообразив, что произошло, я дернулась назад и вскрикнула. В глазах зарыбило, я прикрыла ладонью рот и зажмурилась.

– Ты чего? – донесся испуганный вопрос Лильки.

– Буба... – жалобно выдала я.

– Чего?

– Губа... – ответила я более четко.

– Кто ж зимой до железок дотрагивается! – с осуждением воскликнула Лилька, не зная, чем помочь.

И тут я услышала скрип снега, а затем раздался требовательный и незнакомый голос:

– Покажи.

От неожиданности я вздрогнула и открыла глаза. Чуть в стороне стоял симпатичный крепкий парень в джинсах, грубых ботинках, короткой синей куртке с мехом на капюшоне. На вид он казался чуть старше нас – на год, максимум на два. И его взгляд лишил меня возможности не только двигаться и говорить, но и соображать.

– Покажи, – повторил он, но я не шелохнулась.

– Кажется, она припечаталась к забору... – попыталась объяснить Лилька. – То есть... – Она выдала смешок и замолчала.

Парень нахмурился и подошел ближе, отчего моя душа

сжалась в маленький пушистый комочек. Я вдруг увидела себя со стороны: нескладная худющая девчонка в огромной дурацкой вязаной шапке, с перекошенным лицом, с ладонью, прижатой к губам. Мне захотелось опустить руку, но она меня не послушалась. Нет, я не могла продемонстрировать свое уродство – ни за что на свете! Не сейчас!

Подойдя еще ближе, он достал из кармана носовой платок и протянул его мне.

– Возьми, тебе пригодится.

Первый раз в жизни я видела парня, у которого есть носовой платок. И это было второе чудо за день!

– Бери, раз дают, – выпалила Лилька и округлила глаза, пытаясь втолковать, что выгляжу я весьма глупо.

Но я и так это знала и ничего не могла поделать.

– Давайте знакомиться. Я – Павел. – Он коснулся пальцами моего запястья и участливо улыбнулся. – Не волнуйся, ничего страшного...

– А я – Лиля, а она – Настя!

– М-м, – подтвердила я слова подруги и тихо вздохнула.

– Очень приятно, – серьезно ответил Павел и отвел мою руку в сторону.

Холод и боль обожгли распухшую губу (а я не сомневалась, что она распухла до небывалых размеров!), и я тут же схватила предложенный платок и вновь прикрыла рот.

– Все не так уж и плохо, – утешила Лилька и сморщила нос. – Если помажешь облепиховым маслом, то к утру зажи-

вет.

Но меньше всего я думала об облепиховом масле... Со всем другие мысли кружили в голове, превращая меня в слабое, безвольное существо, способное рухнуть в обморок в любую минуту. Что-то изменилось, и я уже догадывалась что, но боялась признаться себе в этом. Оттягивала момент истины и неотрывно смотрела на Павла...

О нет, я никогда не была влюбчивой, никогда не писала записки понравившемуся мальчику, не ходила на свидания, не шепталась, не прихорашивалась, собираясь произвести на кого-то впечатление. О взрослых отношениях я если и мечтала, то только когда читала книги о дворцовых переворотах и приключениях на краю земли. А это был иной мир – фантастический, и я ни при каких обстоятельствах не могла оказаться в нем. Ни при каких! Это... ну-у... из разряда невероятного.

Но вмиг ситуация изменилась... Передо мной стоял светловолосый зеленоглазый парень, и сердце стучало все тише и тише...

– Почти незаметно, – подтвердил Павел. – Хочешь, пойдем ко мне, – он кивнул в сторону Большого Дома, – и ты сама убедишься.

Наверное, я выглядела очень глупо, а после услышанного опять потеряла способность соображать.

– Ты здесь живешь?! – воскликнула Лилька, озвучив мое изумление.

– Да, – без оттенка хвастовства ответил Павел. – Приехал к деду и бабушке на неделю. В школе объявили карантин, и я отдыхаю от учебы.

Наконец оторвав руку от лица, я посмотрела на маленькое кровавое пятнышко на краю платка и шумно вздохнула. Боль утихла, шок пошел на спад, но от этого легче не становилось...

– Спасибо, – пробормотала я, поправляя шапку (хотя мне хотелось немедленно снять ее и зашвырнуть подальше в лес!). – Я постираю платок и верну его... тебе...

– Не надо, – ответил Павел таким тоном, что мне сразу стало теплее. – Оставь себе, вдруг еще пригодится.

– А ты правда нас приглашаешь? – хитро спросила Лилька. – Мы замерзли и выпили бы чаю.

– Конечно, пойдемте.

– Прямо сейчас? – уточнила она.

– Да.

Я сразу поняла: Павел ей тоже понравился, но не так, как мне. Лилька радовалась, точно ребенок, который увидел банку вкуснящего малинового варенья, а я... А я падала в бездну, путаясь между «до чего же хорошо!» и «спасите, помогите, все ужасно!». Я жалела, что прижалась губой к ледяным воротам и испортила и без того невыразительную внешность противной раной, жалела, что плохо одета, что растеряла слова и не произвожу впечатления нормального человека. А хотелось-то быть кинозвездой!

– Пошли, – твердо произнес Павел и, развернувшись, направился вдоль забора. – Эти ворота закрыты, – объяснил он, не оборачиваясь.

– Ух ты! Нам никто не поверит. – Лилька крутанулась на месте и шепотом добавила: – Давай быстрее, пока он не передумал... Здорово, да? Какая же ты молодец, что облизала эту железяку.

Мы торопливо зашагали следом по узкой дорожке. Ветер перестал завывать, и холод уже не пробирал до костей, во всяком случае, я больше не мерзла. Взгляд выхватывал то искрящийся снег, то голые ветки деревьев, то тяжелые облака, то островки кустарника и настойчиво тянулся к Павлу... «Этот день рождения вряд ли когда-нибудь забудется...» – пронеслось в голове.

– Я очень страшная? – остановившись, спросила я у Лильки и осторожно дотронулась кончиком языка до раны.

– С ума сошла? – фыркнула подруга и пулей понеслась дальше.

Перешагнув порог дома, мы оказались в том самом «музее». Первая же просторная комната удивила нас огромной люстрой, многочисленными креслами, низким стеклянным столом, золочеными светильниками, пушистым ковром, напольными вазами и многим, многим другим. Каждая вещь казалась очень красивой, особенной и требовала немедленного внимания. Но мне приходилось отвлекаться на Лильку. Я боялась, что моя замечательная подруга споткнется и грох-

нется (и мы вконец опозоримся!), потому что она от перевозбуждения не могла идти спокойно, постоянно оглядывалась, делала многозначительные знаки, переводящиеся как: «ух ты!», «супер!», «я тоже такую штуку хочу!», и блаженно улыбалась.

Собственно, я разделяла ее восторг. О, если бы представилась возможность, если бы не шок от увиденного и... неожиданное появление матери Павла, я бы, наверное, перетрогала все, что подвернулось по пути! Но увы...

По лестнице спускалась высокая женщина, одетая в мягкие черные брюки и белоснежный свитер. Ее светлые волосы, уложенные волной, почему-то сильно блестели, тонкие черные брови резко выделялись на бледном лице, впрочем, как и ярко-красные губы.

– Мам, я пригласил девочек, – спокойно произнес Павел. – Они замерзли, и нам нужен чай.

Лилька тихонько толкнула меня локтем в бок, и я чуть заметно кивнула – с минуты на минуту нас могли выставить на улицу...

– Хорошо, – равнодушно ответила мать Павла и, коснувшись тонкими пальцами горловины свитера, добавила: – Ужин в восемь, не забудь.

Намек был ясен, но мы и не собирались засиживаться – впечатления и так переливались через край.

В кухне пахло очень вкусно: жареным мясом, хлебом, травами и чем-то пряно-сладким. Лилька сразу плюхнулась за

стол и в ожидании усталилась на холодильник. Наверное, она, надеясь, что пузатый монстр, хранивший в себе множество деликатесов, распахнет совершенно самостоятельно дверцу и предложит на выбор колбасу, холодец, сыр и оладьи со сметаной. Я же потеряла аппетит еще около забора и мечтала только об одном – увидеть свою ужаленную холодом физиономию.

– Зеркало около раковины, – прочитал мои мысли Павел и указал на маленький узкий навесной шкафчик. – Там аптечка, если что-нибудь нужно, то бери, не стесняйся.

Я подошла к зеркалу и быстро изучила свое отражение. Ничего так, вполне... Губа почти не опухла, да и ранка не напоминала кратер вулкана (чего я боялась), нос, правда, приобрел цвет помидора, но, в общем и целом, я выглядела как обычно.

– А у Насти сегодня день рождения! – радостно выпалила Лилька и подперла щеку кулаком. – Здорово, да?

– Поздравляю, – коротко ответил Павел и посмотрел на меня. Наши взгляды встретились, мы на пару секунд замерли, а затем улыбнулись друг другу. Он – по-доброму, я – чуть смущенно. – Сейчас будем пить чай с пирожными, располагайтесь и чувствуйте себя как дома.

Раньше я никогда не ела эклеры, вероятно, именно поэтому при отсутствии аппетита слопала сразу три штуки. Лилька же налегала на маленькие трубочки и одинаковые хрустящие шарики, обсыпанные сахарной пудрой, хихикала и по-

стоянно толкала меня ногой под столом.

Мое состояние трудно было описать словами: оторвавшись от пола, превратившись в белое серебристое облако, я зависла под потолком. Считать минуты не имело смысла, но я все равно считала... Сколько осталось, сколько?.. Часы на полке буфета тикали слишком громко, за что я их почти ненавидела.

– Сегодня вообще-то холодно, – сказал Павел, когда мы собрались уходить. Шагнув к шкафу, он стянул с крючка свой серый шарф и сам обмотал им мою шею. – Теперь не замерзнешь, – он улыбнулся и извинительно добавил: – Если бы я знал заранее, что встречу тебя, и... что у тебя день рождения... Ну, я бы подготовился получше.

Дорога до развилки показалась удивительно короткой, Лилька тараторила без умолку, мечтая как можно скорее разболтать о случившемся в школе. Еще бы! Мы побывали в Большом Доме! Завтра точно все обзавидуются.

– Он красавчик, да? – выдала она на полпути.

– Ага, – согласилась я.

– Интересно, кто ему больше понравился: ты или я?

– Не знаю.

– Наверное, я. Хотя тебе он подарил шарф, но это не считается... у тебя же день рождения.

Я ничего не ответила, лишь мечтательно улыбнулась. К сожалению, Павел скоро уедет, и, наверное, мы больше не увидимся... Или увидимся не скоро, когда все будет по-дру-

тому... Не будет искрящегося снега, колючего ветра, трескучего мороза и дурацкой надежды, не имеющей даже названия. «Но шарф! У меня есть шарф! Самый лучший шарф на свете!»

– Только Кольке расскажу я, ладно?! – крикнула Лилька, устремляясь по дороге к своей деревне.

– Ага, – ответила я и свернула направо. Мне, наоборот, не хотелось делиться впечатлениями ни с кем, точно крохотная тайна, поселившаяся в душе, могла исчезнуть без следа. Я не понимала: плакать или смеяться? И я задавалась вопросом: неужели так мало нужно, чтобы втрескаться по уши?..

Дома меня ждал еще один подарок, о котором я узнала поздно вечером, когда ложилась спать. Тетя Тома пропадала у своей подруги, нашей соседки, и никто не мешал мне фантазировать о счастливом будущем (и заодно расстраиваться). Я натянула байковую ночнушку, надела заштопанные, но любимые носки и села на кровать. Давно стемнело, комнату оживлял лишь тусклый свет настольной лампы да подрагивающая штора на окне. Надеюсь увидеть особенный сон, я собиралась положить шарф Павла под подушку – смешно, конечно, но и в тринадцать лет вера в чудеса настойчиво продолжала жить.

Я ему понравилась?

Хотя бы чуть-чуть?

Да, почему бы и нет...

Неа, Лилька же гораздо симпатичнее...

Завтра Павел прискачет на коне и увезет меня на край света!

Точно!

Ну, или не прискачет и не увезет...

А может, мне утром отправиться в сторону Большого Дома и погулять немного около озера? Прогулки очень полезны для здоровья.

Отложив подушку в сторону, я... удивленно замерла. На простынке лежало нечто незнакомое, не пойми откуда взявшееся и тем пугающее. Что это?.. Что?

Я протянула руку и тут же отдернула ее. Вскочила, уронив шарф на пол, включила свет и вернулась к кровати. Страх ледяными мурашками пробежал по спине и... неожиданно исчез. Мне вдруг стало тепло, даже жарко, сердце забилося ровно, а душу сжала ноющая, но приятная боль. Интуитивно, не имея никаких объяснений и доказательств, я почувствовала, что эта вещица несет добро, а не зло, и не нужно бояться...

На простынке лежало украшение – тонкая змейка с аккуратной плоской застежкой. Круглые хрустальные камушки чередовались с квадратными зелеными, а еще зеленые капельки свешивались в промежутках.

Ожерелье. Да, это было ожерелье.

– Ух ты... – прошептала я, подалась вперед и коснулась кончиками пальцев змейки. Меня тут же захлестнули знакомые запахи: резкий, терпкий, удушливый... теплый, цветоч-

ный, солнечный... табачный, аптечный, хвойный... Голова закружилась, ноги подогнулись, пол качнулся... Если бы рядом стояла Лилька, то, наверное, она бы подскочила и бросилась из дома с криками: «Люди, люди, Настька умирает!», и была бы почти права, потому что я не чувствовала собственного тела и на несколько затяжных секунд потеряла связь с реальностью – меня звало прошлое...

Резко выпрямившись, вцепившись в спинку кровати, я часто задышала и только в этот момент заметила белый конверт... Он тоже лежал на простынке, но чуть выше и левее. Вероятно, изумление помешало мне обратить на него внимание раньше – новый поток вопросов закружился в голове, и я, ослабев, опустилась на стул. Догадки толкали к действиям (в конверте письмо! хватай его!), но я не двигалась с места минут пять. Я была абсолютно уверена, что тетя Тома не имеет к этому никакого отношения, а представить, будто кто-то пробрался в дом и положил подарок мне под подушку, решительно не могла!

Но кто-то же заглядывал в мою комнату... Где этот человек и как его зовут?

Я поднялась, вновь протянула руку и взяла конверт. Открыла его и вынула небольшую фотографию. На меня, улыбаясь, смотрела необыкновенно красивая женщина. Летнее платье... сумочка... босоножки... русые волосы по плечам... и уже знакомое ожерелье на шее...

Мама. Это была моя мама.

Я ее вспомнила.

Но только ее.

И больше никого и ничего...

Глава 2. Я попадаю в переделку, но на помощь спешит прекрасный принц...

Тетя Тома вернулась утром. Субботы она всегда любила, и я полагала, что настроение у нее будет вполне нормальное. То есть меня не заставят в профилактических целях («работай, может, человеком станешь!») драить полы, таскать дрова из сторожки («кланяйся Дмитрию Петровичу за его доброту!») или выбивать ковры, предварительно присыпав их снегом. Я так часто занималась и тем, и другим, и третьим, что с досок пола давно слезла краска, дрова буквально вываливались из сарая, а два ковра – гордость тети Тома – находились в пограничном состоянии между жизнью и смертью и могли рассыпаться при следующей чистке на клочки.

Но надежды на спокойные выходные оказались напрасными – в десять часов двор огласился сначала жалобным скрипом калитки, а затем гневным рыком моей тетки:

– Прохлаждаешься, заноза! А чего прохлаждаешься? Делать нечего?! Людка, сволочь, опять меня в карты оставила! Три дня теперь голодать будем!

Людмила Игоревна – наша соседка, милейшая женщина шестидесяти трех лет, до икоты боялась тетю Тому и по этой причине ни в чем ей не отказывала. А в карты играла исключительно на копейки, иначе уже давно бы слегла с инфарктом...

– Доброе утро, – невпопад ответила я, запоздало сообразив, что эти слова наверняка вызовут очередной приступ раздражения. Но мое сердце пело и замирало от счастья – я находилась далеко-далеко, за тридевять земель... Привычная ругань и даже настоящая трехдневная голодовка не смогли бы отнять мою радость. Я стала сильнее. На чуть-чуть. Но все же.

– Вы посмотрите на нее! – всплеснула руками тетя Тома. – Утро у нее доброе... Тринадцать лет девке, а ума ни на грош! – Она фыркнула, прошла мимо, затем резко остановилась и развернулась. Колючий взгляд проткнул меня насквозь. – Ты почему улыбаешься? Что у тебя в голове, я спрашиваю?!

Я не улыбалась – точно. Может внутри, втайне... Но тетка отчего-то безошибочно угадала мое состояние.

Конечно, я думала о вчерашнем дне, вспоминала чуть ли не каждую минуту и задавалась миллионом вопросов. У меня разом появилось столько волшебных секретов, что все плохое мгновенно отскакивало в сторону.

Во-первых, ожерелье и фотография. И то, и другое я убрала в надежное место – за подкладку осеннего полупальто (тетя Тома отдала мне его уже с дыркой под рукавом, а я зашивать не стала и прятала туда все самое ценное). Полночи я взволнованно металась по комнате, пытаюсь вспомнить далекое детство. Но не получалось! Точно передо мной стояла высоченная стена, которую не обойти и не перепрыг-

ноть. Ожерелье... О, я его бесконечно любила! Оно казалось необыкновенно красивым, хотя и выглядело просто – белый камушек, зеленый камушек и капельки. Своей скромностью оно нравилось мне еще больше, потому что в будущем я собиралась его носить незаметно под свитером или кофтой. Тайком – это очень важно!

«Тетя Тома ничего не должна узнать...»

Моя уверенность в том, что к украшению и фотографии она не имела никакого отношения, была незыблема, как скала. Нелюбовь я чувствовала практически каждый день и во все не обманывалась на этот счет. Интуиция тихонько нашептывала: «Не показывай, ни за что не показывай ожерелье...», и я, мысленно соглашаясь, собиралась поступать именно так.

Но кто принес бесценный подарок? Кто этот человек? Как он нашел меня и почему прячется? Единственное объяснение, которое я находила правдоподобным, заключалось в следующем: кто-то когда-то знал моих родителей и теперь хорошо относится ко мне, наверное, живет рядом, но, к сожалению, боится гнева тети Тома (а ее гнев – это не нравоучительное «как вам не стыдно», это гром, молния, взмах топором и проклятия до третьего колена), и... В общем, решил он сделать доброе дело. И сделал. Да.

Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо!

Во-вторых, Павел. Он особенный – добрый, серьезный, умный, красивый, и я обязательно должна увидеть его хотя

бы еще раз...

Я представляла, как он берет меня за руку, и мы топаем по дороге к школе или болтаем на перемене у окна. О, пусть он переедет сюда, к бабушке и дедушке, и учится со мной в одной школе...

— Что у тебя в голове, я спрашиваю? — повторила тетя Тома и сдвинула брови.

— Э-э-э... — ответила я, пытаюсь изобразить на лице глуповатую растерянность и на всякий случай не менее глубокое огорчение.

— Ты, часом, умом не тронулась? — поинтересовалась тетя с насмешкой, а может, даже с надеждой. — Бери сумку — и марш в магазин! Дома шаром покати, а она стоит, как кладбищенская часовня! Как есть заноза! — Вынув из кармана деньги, тетя Тома добавила командным тоном: — Макарон купи, консерву какую-нибудь подешевле, печенья и сахара.

Трехдневная голодовка, видимо, опять откладывалась на неопределенный срок. Радуюсь, что не нужно драить полы, я совершенно счастливая понеслась в сторону магазина. Было жаль, что шарф остался дома, но и его показывать тетке я не хотела — подарок Павла я тоже собиралась трепетно хранить.

Магазинчик находился недалеко от сторожки, и мне предстоял не слишком долгий путь мимо соседских домов, круглого заледенелого пруда и наваленных кое-как бревен, давно вросших в землю и превратившихся в место для посиделок. По печенью я очень соскучилась и собиралась купить

не какое-нибудь обычное, похожее на картонку, а вкусное, овсяное (и пусть тетя Тома потом распилит меня на части!). Бодрое, радостное настроение не покидало меня всю дорогу, я лишь жалела о том, что вчера съела только три эклера.

– Эй! Ланье! – раздался резкий насмешливый голос, и я вздрогнула.

На одном из бревен сидел Славка Шумейко по кличке Шаман, а рядом с ним, прислонившись к березе, стоял его друг Вадька Авдонин по кличке Доня. И тот и другой имели противную привычку цепляться к тем, кто помладше, а уж мимо меня вообще спокойно пройти не могли. И почему-то моя фамилия – Ланье – их особенно раздражала, из их уст она звучала некрасиво и ужасно обидно. Чтобы меня задеть, им даже не нужно было придумывать прозвище или какую-нибудь рифму. Лань-е-е. Славка всегда тянул последнюю букву, после чего сплевывал и усмехался.

Их двое, а я одна – шансов спастись без потерь не было, и я юркнула в магазин, наивно надеясь, что они скоро уйдут.

Но они, конечно же, не ушли.

Зачем уходить, когда минут через десять из укрытия выскочит перепуганный кролик, за пазухой у которого будут лежать макароны, тушенка, печенье и сахар?

Такого кролика нужно схватить, ограбить, зажарить и слопать!

Из магазина я выплыла неторопливо, с достоинством. На лице – легкая задумчивость, глаза – к небу, губы сжаты, ру-

ки поддерживают покупки, прилично раздувающие куртку. Я шла ровно, каждой клеточкой тела ожидая окрика, готовясь к грубости и подзатыльнику (а также к тому, что у меня отберут продукты, и тетя Тома, мягко говоря, этого не одобрит).

– Лань-е-е, – поднимаясь с бревна, процедил Славка-Шаман, но я сделала вид, будто не слышу его. Ну, почему, почему после хорошего всегда случается плохое?

– Чего купила, Настька? – заулыбался Доня и отлип от березы. – Поделиться с нами не хочешь?

Они двигались хищно и быстро, а я крепче прижимала к себе овсяное печенье и мысленно упрямо повторяла: «Не отдам, не отдам, не отдам...» Собственно, я могла гордиться тем, что пару раз умудрилась сбежать от Шамана, и эти воспоминания, видимо, придали мне некоторую силу. Посчитав, что один шанс на миллион у меня есть, я подпрыгнула на месте и припустила к дому, но уже через несколько секунд крепкая рука обрушилась на мое плечо, и за спиной раздалось самодовольное: «Куда собралась, голуба?!»

Куда-куда... К дорогой и любимой тете Томе!

Споткнувшись, я полетела на притоптанный снег. Шапка съехала набок, жалобно хрустнули макароны или печенье, боль одновременно пробила колени и руки. Но самое прискорбное, что сверху на меня рухнул Шаман, и я потеряла возможность двигаться, потому что он был не только старше меня на два года, но и тяжелее килограммов на двадцать.

– Переворачивай ее! – помог другу советом Доня, и я почувствовала себя неуклюжей черепахой, из которой сейчас сварят суп.

Славка заворочался и откатился влево. Стало значительно легче, но от волнения я не могла спокойно дышать. Холод и страх лезли под воротник и ползли по спине дальше...

– Немедленно оставьте ее в покое! – Сухой и твердый голос коснулся души, и я зажмурилась.

Павел. Это был Павел!

Или слышалось?..

Переворачивать меня не пришлось, я это сделала совершенно самостоятельно, уложившись в секунду.

Славка мгновенно подскочил и встал рядом с Доней плечо к плечу. Они напоминали двух взъерошенных подростков-волчат – осторожных, но злых. А я, позабыв про сахар и тушенку, лежала на спине и смотрела на Павла. Да, это был он. Настоящий! В той же синей куртке с мехом на капюшоне, джинсах и ботинках с тракторной подошвой. Сердце сжалось, в животе булькнул восторг, и на миг я закрыла глаза, все еще не веря в происходящее.

Страх медленно таял, вернее, превращался в нечто иное – в беспокойство. Двое против одного... и будет драка... Нечестно.

Но почему же двое против одного?!

А я? Доня не слишком-то сильный и не слишком-то смелый...

– Ты кто такой? – презрительно спросил Славка и сжал кулаки.

– Не важно, – ответил Павел и, демонстрируя врагам равнодушие, подошел ко мне и протянул руку.

Вторая встреча, и второй раз я выглядела совершенно глупо: то с распухшей губой у забора, то на снегу, заваленная продуктами. Но толком расстроиться по этому поводу я не успела – мои пальцы коснулись его пальцев, и оставалось лишь жалеть, что холодно и из-за варежек я не могу почувствовать тепло своего сказочного принца.

– О! Рыцарь какой! – хохотнул Доня.

Я встала рядом с Павлом (тоже плечо к плечу), но он тут же оттеснил меня назад, сказав тихо: «Я сам».

– Так кто ты такой? – повторил Славка и сделал два шага вперед. – Не нравится мне твоя физиономия... ох, не нравится... – Он едко усмехнулся. – Разукрашу я ее с большим удовольствием... ох, разукрашу...

Павел напрягся. Я это не увидела – почувствовала. Точно он превратился в камень – большой, серый, с острыми углами... Но на виске была заметна пульсирующая жилка, и глаза сверкали недобрым огнем.

Я сразу поверила: Павел один справится и с Шаманом, и с Доней, но на всякий случай тоже сжала кулаки и приготовилась. Банка тушенки после моих решительных телодвижений, потеряв точку опоры, выскользнула из-под куртки и шмякнулась прямо на мою ногу.

– Ты смотри! – захохотал Доня. – Невеста приданое растеряла!

Славка солидарно заржал, но почти сразу оборвал смех и, пользуясь моментом, неожиданно налетел на Павла. Они должны были сцепиться, превратиться в комок ненависти и дружно упасть в снег, я уже видела эту картину и собиралась броситься следом. Но ничего подобного не произошло – раздался глухой удар, и Славка один полетел в сугроб. Тут же вскочив, он вновь бросился на Павла, злость даже позволила ему ответно ударить, но через мгновение Шаман вновь оказался в сугробе.

– Сволочь! – взревел Доня и устремился к неприятелю.

Я закусила губу, выставила ногу вперед, и второй враг, споткнувшись, спилотировал на дорогу и впечатался носом в лед.

– Не вмешивайся! – резко бросил мне Павел и схватился со Славкой не на жизнь, а на смерть.

Доня, проклиная все на свете, изрядно матерясь, поднимался медленно, поглядывая в мою сторону с возрастающей ненавистью...

Наверное, бой закончился бы не скоро (мы бы, конечно, победили), но вдруг раздался отчаянный девчачий визг, затем отрывистый лай Байкала, а затем рассерженный голос его хозяина – Дмитрия Петровича:

– А ну, хулиганье, брысь отсюда! Сейчас собаку спущу, будете знать! Без штанов с голым задом домой побежите!

Обернувшись, я увидела нашего сторожа, злющего лохматого Байкала и незнакомую девчонку в короткой белоснежной шубке и белой шапке. Она уже не голосила на всю деревню, а бежала молча, прижав ладони к щекам.

– Черт, – выругался Славка, в который раз поднимаясь. Гневно посмотрев на Павла, он многообещающе прошипел: – Мы еще с тобой встретимся... Пошли, Доня!

Доня тоже не был доволен вынужденным окончанием драки, он планировал превратить меня в боксерскую грушу или четвертовать, вот только удача была не на его стороне.

– Если вы еще хоть раз ее тронете, я вам головы оторву, – пообещал Павел, и получилось это у него как-то весомо, повзрослому.

– Не смейся, – ответил Славка и плюнул на дорогу. Но в его взгляде сквозило уважение.

Раньше за меня никто никогда не заступался, я и не подзревала, как много значит ощущение уверенности в подобной ситуации – вот сейчас, сейчас появится человек, который заслонит собой и скажет: «Я сам!» И действительно спасет.

Проигнорировав скоропалительный уход Славки и Дони, мы с Павлом стояли неподвижно и смотрели друг на друга. Робко и в то же время победно губы растягивались в улыбки.

– Замолчи, Байкал! Хватит уже брехать, без тебя разобрались! – громко проворчал Дмитрий Петрович и, махнув рукой в нашу сторону, мол, вечно от вас, молодых, сплошной

шум и проблемы, засеменял к сторожке. Байкал, секунду помедлив, побежал следом.

– Пашка, ты что, дурак?! – Девчонка в белой шубке подлетела к нам, остановилась, отдышалась и гневно сверкнула серыми глазами. Теперь я могла ее разглядеть, и увиденное, конечно, мне не понравилось. Она была необыкновенно хорошенькой и явно знала об этом, она пользовалась косметикой и могла похвастаться очень красивой одеждой. Лилька бы обзавидовалась и голубым джинсам, и высоким замшевым сапожкам, и шубке тоже. – Пашка, это же бандюганы! Разве не видно? От них нужно держаться подальше! – Она смерила меня презрительным взглядом и поджала пухлые губы.

– Настя, познакомься, это Лиза, моя сестра, – спокойно произнес Павел и уточнил скорее для нее, чем для меня: – Моя младшая сестра.

– Ага, младшая, – усмехнулась девчонка. – Но поумнее некоторых буду. Если мама узнает, что ты ходишь в деревню и дерешься с местной шпаной, то...

– Она не узнает, – закрыл тему Павел и посмотрел на Лизу сердито. – Возвращайся домой.

– А ты?

– Я провожу Настю.

Моя душа запела! Ревность оказалась смешной и нелепой, к тому же Павел не собирался бросать меня после случившегося. И в деревне он появился не просто так – он искал меня,

мечтал о встрече, скучал! Эта мысль крепко засела в голове, и отказываться от нее в ближайшие сто лет я не собиралась.

– Спасибо, – вежливо произнесла я.

– Тогда я с вами, – решительно заявила Лиза и посмотрела на меня уже с любопытством.

Гостей тетя Тома не жаловала, особенно если они приходили с пустыми руками, особенно если это были дети... Мне предстояло пережить еще один позор, но отказаться от возможности немного прогуляться с Павлом (пусть и в сторону моего дома) я не могла. Он стоял так близко, он был так силен и прекрасен!

Пакеты вместе с консервной банкой быстро перекочевали к нему, и мне оставалось лишь идти рядом, вдыхать холодный воздух и мечтать о скором замужестве и прочих невероятных глупостях, от которых становится щекотно в носу и животе.

– А тебе сколько лет? – спросила Лиза.

– Тринадцать, – ответила я, придавая голосу равнодушие и легкость.

– И мне тринадцать. А Павлу пятнадцать. Мы приехали ненадолго... У бабушки постоянная мигрень, а маме здесь тяжело и неудобно. О, как я ее понимаю... – Лиза театрально возвела глаза к голубому безоблачному небу и фыркнула. – И как вы здесь живете?.. Сплошные развалюхи и бандюганы.

– Хорошо живем, – твердо произнесла я, решив защитить деревню от насмешек приезжих.

– А мне здесь нравится, – сказал Павел, и мы обменялись быстрыми многозначительными взглядами.

Он был на моей стороне! Он точно говорил: не обращай внимания, Лиза думает, что жить по-настоящему можно только в городе, где куча магазинов и развлечений, но мы-то с тобой знаем, *что* самое ценное на земле...

Ну да, ну да, это я опять немножечко размечталась. Просто книжные герои всегда обменивались именно такими взглядами, и впереди у них потом оказывалось много-много счастья.

Мне повезло – тетя Тома гремела чем-то на чердаке и нашего появления не заметила. Оставив Павла и Лизу около двери, свалив продукты на стол, стараясь не шуметь и не гадать, какое впечатление окажет бедная обстановка на гостей, я метнулась к зеркалу и торопливо расчесала волосы. Лучше, наверное, не стало, но мне очень хотелось походить на девушку из журнала, красивую и уверенную в себе, мне хотелось вскружить Павлу голову и навеки поселиться в его душе. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» – шептала я, покидая кухню.

Целый час мы болтались по округе, вызывая интерес почти у каждого встречного. Лиза постоянно ругала холод, задавала вопросы про Славку-Шамана и Доню, фыркала, вставляла едкие замечания и поглядывала на меня.

– Значит, тебе нравится мой брат? – притормозив, неожиданно спросила она и щедро улыбнулась. – Забавно...

– Лиза! – Павел нахмурился и грозно посмотрел на сестру. – О чем ты вообще говоришь?

Мои щеки и уши вспыхнули, но я все же держалась молодцом, то есть не упала в обморок и не рассыпалась в пыль. Наверное, так получилось оттого, что я увидела волнение на лице своего сказочного принца – смущение коснулось нас одновременно, и я приняла этот знак за поддержку. Мысленно раскинув руки, я бухнулась на воздушную розовую перину счастья, да так бухнулась, что пух и перья полетели в разные стороны!

– Она на тебя пялится, как ненормальная, – пожала плечиком Лиза и вздернула нос. – Ясно же – влюбилась!

– Вовсе нет, – услышала я свой писклявый голос. – Дело в том... просто...

– Не обращай на Лизу внимания, – сказал Павел и виновато улыбнулся. – У моей сестры богатое воображение.

– Не-а, – усмехнулась Лиза, скривила губы и сунула руки в карманы шубки. – Интересно, как отреагирует мама на эту новость? Помнится, она просила тебя не приближаться к деревне...

Вредность чувствовалась в каждом ее слове, и мне нестерпимо захотелось превратиться в Славку-Шамана: уж он-то кому угодно мог надеть на голову ведро с мусором и сделал бы это обязательно легко и непринужденно.

– Не обращай на нее внимания, – повторил Павел, сжал локоть Лизы и сурово сказал уже ей: – Нам пора. Раз ты не

хочешь огорчать маму, то самое время поторопиться домой.

– Но... – Лиза не договорила, потому что Павел решительно потащил ее в сторону озера.

– Еще увидимся! – крикнул он, и я кивнула.

Еще увидимся...

Да. Конечно. Обязательно.

Возвращаться к тете Томе вот в таком чудесном состоянии я не могла, мне срочно требовалось поговорить с кем-нибудь о Павле. Я должна была высказать все свои тайные мысли, помечтать, поныть и получить хотя бы крошечную порцию утешения. Кто-то обязательно должен был сказать: «Он отличный парень и, конечно, любит тебя до умопомрачения, вы непременно поженитесь – глупо сомневаться в этом. Да-да, вопрос решен!» Улыбаясь, я зашагала к заброшенному клубу, находящемуся неподалеку от школы. Лилька по субботам частенько гуляла со своими подружками, и я надеялась встретить ее именно там. Вспомнив, какое впечатление на нее произвел Павел, я, честно говоря, о своих чувствах решила ревниво помалкивать, но все же, все же, все же...

Если бы на пути мне встретились Шаман и Доня, то, наверное, я бросилась бы их обнимать и целовать – радость переполняла душу до краев, теперь я знала: Павел готов защитить меня даже от «бандюганов».

– ...он протянул руку и помог подняться...

– Черт, черт, черт... – затараторила Лилька, округлив гла-

за от удивления. – Ну почему это случилось не со мной!

– ...он врезал Славке так, что тот полетел в снег! Я дышать перестала от страха...

– Черт, черт, черт! Ну почему это случилось не со мной!

– ...он уверенно говорил, будто никого не боялся... Славка с Доней точно не ожидали такого...

– Черт, черт, черт! Ну почему это случилось не со мной!

Лильку я встретила там, где и предполагала, и рассказала ей обо всем: и про драку, и про Лизу, и про наше неловкое расставание. Слова сами выскочили из меня, как горошины из дырявого пакета, и застучали по старым дощатым ступенькам клуба. «Она на тебя пялится... она на тебя пялится... ясно же – влюбилась... влюбилась... влюбилась...» – в ушах у меня отдавалось глухое эхо насмешливых обвинений вреднучей Лизы.

– А ты на него действительно пялилась? – хмуро поинтересовалась Лилька.

– Ну, немного... наверное... – пожимая плечами, ответила я.

– И влюбилась?

– Ну-у-у... чуть-чуть.

Лилька окатила меня обиженным взглядом, скрестила руки на груди, с трудом переварила все новости и выбрала достойную мишень для гнева:

– Лизка – гадина и свинота. Влезла, будто ее просили! А Павел что тебе сказал?

– «Еще увидимся».

– Интересно, сколько продлится карантин в его школе?

– Дней десять или пятнадцать, – с надеждой ответила я.

– Понятно, – Лилька помолчала немного, а затем, скрестив руки на груди, важно объявила: – Ладно, если у тебя все так серьезно, то забирай его себе. Я вмешиваться в ваши отношения не стану.

Пару секунд мы торжественно молчали, а затем посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Вообще-то, он мне нравится больше, чем чуть-чуть, – призналась я, ковыряя носком ботинка заледеленый снег.

– Если он сказал, что еще увидите, значит, это случится очень скоро, – мудро изрекла Лилька и кивнула, подтверждая свой благоприятный прогноз.

Но мы с Павлом не встретились ни на следующий день, ни через два дня, ни через неделю. Я ждала, продолжала мечтать, крутилась около зеркала, ходила кругами по деревне, отвечала тете Томе невпопад, чувствовала себя то счастливой, то несчастной и никак не могла взглянуть правде в глаза. Мне все казалось: вот сейчас, сейчас я увижу Павла... Вот сейчас, сейчас...

Но прошло два с половиной года, прежде чем наши дороги пересеклись вновь.

Глава 3. В моем личном мире происходит очередное землетрясение

К пятнадцати годам я сильно вытянулась, отчего худоба стала более заметной. Школьная директорша даже приходила к тете Томе, чтобы узнать, не морит ли та меня голодом. Но я ела вполне нормально, просто организм сжигал пищу, не откладывая на моих боках «ни мяса, ни жирка» (как говаривал сторож Дмитрий Петрович). «Позорище! Стыдобень! Кормлю тебя с утра до ночи, а люди вон чего думают! Так скоро меня и мачехой назовут!» – возмущалась тетя Тома после очередного соседского намека.

Да, я была худющей и какой-то угловатой. Лилька сравнивала меня то с новорожденным жеребенком, неуверенно передвигающимся на длинных тонких ногах, то с богомолем, а то и с инопланетянином. Однажды она притащила журнал, раскрыла его и ткнула пальцем в репродукцию картины, на которой была изображена хрупкая болезненная девушка в длинном платье с рюшами. Ну, мне она, во всяком случае, показалась болезненной. «Это ты! – объявила Лилька и добавила: – Одно лицо! А у тебя аристократов в роду не было? Ланье – фамилия-то странная. Ты бы у тетки еще разок спросила...» Я спросила и получила вполне ожидаемый ответ: «Фамилия у тебя такая дурацкая, потому что в роду у тебя все были дураками! А если не веришь, то в зеркало на

себя посмотри». Тетя Тома всегда умела хорошо объяснять – дополнительные вопросы уже не возникали.

Лилька, наоборот, выросла совсем немного, зато налилась, как спелое яблоко, отрастила волосы и отвоевала у родителей и бабушки право пользоваться косметикой. Мы с ней представляли странную пару – негармоничную, но для нашей дружбы это не имело никакого значения.

Отношения с противоположным полом (конечно, громко сказано) тоже претерпели изменения: появились недосказанность, смешки, полувзгляды, полувздохи. Вообще-то, это все появилось у влюбчивой вороны – Лильки, я же никем не интересовалась, лишь изредка доставала из дальнего угла шкафа шарф Павла, складывала его в который раз и убирала обратно на полку. Делала я это автоматически, точно это был ритуал, стараясь не вспоминать и не мечтать. Так как собственная внешность мне казалась малопривлекательной и даже странной, я не ожидала внимания от мальчишек и всегда удивлялась, когда кто-то крутился возле меня и краснел. «Их прямо-таки пучит рядом с тобой!» – восклицала Лилька, взмахивая руками. Пожалуй, в это я еще могла поверить.

К лету рядом со мной уже никого не «пучило», куда-то все подевались, и я осталась наедине с книгами. Герои по-прежнему влюблялись, женились, расставались, опять влюблялись и совершали подвиги и глупости. Я была уверена: жизнь спокойно потечет дальше, и никакие удивительные со-

бытия со мной не произойдут – ни сейчас, ни потом. Но затишье оказалось ложным, и глаза на происходящее мне открыла Лилька. «Неужели ты ничего не замечала? Совсем ничего? Впрочем, я тоже... но все наши давно в курсе!»

Самым настоящим открытием стало то, что меня уже пару месяцев считали девушкой Славки-Шамана, и именно поэтому ряды моих друзей поредели. Парни, опасаясь получить по шее, предпочитали держаться в стороне, девчонки, видимо, тоже переживали, хотя некоторые неожиданно приглашали к себе или на прогулку (наверное, желали получить «горячие новости с полей»).

Я не могла понять, как такое получилось... Уж если Лилька ничего не заметила, то о чем тут говорить! Но, проведя тщательный анализ, встряхнув хорошенько память, мы пришли к выводу, что двух таких слепых клуш на свете больше нет. Последнее время я часто встречала Славку: и по дороге в магазин, и возвращаясь из школы, а иногда он проходил мимо моего дома. Н-да, раньше это случалось гораздо реже... Мы не разговаривали, обменивались лишь взглядами и дежурным «привет». Причем этот «привет» Шаман произносил первым. Он давным-давно меня не мутузил, еще год назад потеряв интерес к «Ланье-е-е» (потому что я перестала быть малолеткой и превратилась в богомола и инопланетянина одновременно), каких-то особых контактов между нами не было.

– Настька, а че теперь делать-то? – волновалась Лилька.

– Понятия не имею. – Я пожимала плечами, продолжая считать ситуацию фантастической.

Внешне Славка тоже изменился – возмужал и вырос. Длинная челка падала на глаза, тонкие губы почти всегда были сжаты. Рубашку с первым весенним теплом он носил наполовину расстегнутой и навывпуск, потертые джинсы, рванные на коленях, трещали по швам. Он сильно отличался от наших с Лилькой сверстников и производил впечатление взрослого человека, которому море по колено. Тетя Тома называла его «убивцем» и чуть в обморок не упала, когда соседки сообщили ей, на кого он засматривается и кого себе выбрал...

– Господи, да у Настьки моей даже задницы нет, чтобы вертеть! Грудь – как две пуговицы после утюга! Да за что ж нам напасть такая!

По крайней мере, тетя Тома не считала меня виноватой, а это была большая редкость...

Славка завел привычку сидеть с Доней напротив нашего дома – на скамейке Тимохиных, под старым кривым кленом. Они щелкали семечки, молчали, болтали, курили, стряхивая пепел в траву, и неторопливо уходили, не проявляя ко мне совершенно никакого интереса. В такие моменты тетя Тома или важничала, будто уже пришли просить моей руки и от нее зависит «счастье молодых», или пряталась в кухне, опасливо поглядывая из окна на «будущего зятя». Мне она запрещала общаться с Шаманом и обещала проклясть, если я

позволю себе лишнее. «Если ты все же обнаружишь у себя задницу, то не вздумай ею вертеть!»

В мае тетя Тома влюбилась в Глеба Аркадьевича – плотника, жившего на другом краю деревни. На моей улице случился праздник, потому что наступили относительно спокойные деньки без ругани и злости. Тетя Тома ради такого случая перетрясла все свои чемоданы-сундуки, приделась и шокировала деревню новенькими городскими нарядами. Она не боялась, что кто-то ее сглазит или, завидуя, накличет беду, – наконец-то она была счастлива. Лилька говорила: «Настька, твоя тетка расцвела, точно роза перед грозой...»

А в середине июня Глеб Аркадьевич втрескался по уши в продавщицу Лиду и повел ее под венец. Все вернулось на круги своя (если не считать погрома, учиненного тетей Томой в доме разлучницы, и хмурого милиционера, который приходил к нам трижды и грозил судом и штрафом).

Июль выдался жарким, и мы с Лилькой, прихватив немного еды, гуляли с утра до ночи: с удовольствием купались, загорали и просто болтали, наслаждаясь каникулами. Подумывали о том, кем станем, смеялись и мечтали. И в один из таких теплых вечеров одна мечта – тайная, заветная – самым неожиданным образом сбылась, перевернув мою душу вверх тормашками...

– Колька говорит, что ночью из этого озера на берег выходят утопленники, – Лилька лежала на траве, раскинув руки в стороны, и смотрела на небо. – Врет.

– Ага, – кивнула я, разламывая булку на две части. – Никто же здесь никогда не тонул.

– Точно! Да и стали бы здесь жить Акимовы, если бы к ним в полночь в ворота мертвецы стучались? Ясно же, что не стали бы.

– Колька вечером здесь с парнями костер разводит, вот и придумал эту историю, чтобы народ не шастал да не мешал им. На трусов рассчитано, – подвела я итог.

– А давай его напугаем! – Лилька оживилась, села и убрала челку со лба.

Я уже догадалась, какие слова она произнесет в следующий момент, и, хитро прищурившись, сама быстренько предложила:

– Зайдем с того берега, подплывем к огню, выйдем и заводем!

– Я из дома бинты притащу, мы их на руки намотаем – получится страшно!

– Можно еще лицо сажей измазать...

– Не, лицо должно быть белое, – со знанием дела возразила Лилька. – Мелом лицо нужно натереть! Мелом!

Поздно вечером, когда на небе уже горели звезды, а тишина обволакивала и лес, и поле, и наши с Лилькой деревни, мы тайно выбрались из своих комнат и устремились к озеру. Пожалуй, затею можно было назвать дикой и опасной, но отступать никто не собирался.

Встретившись на развилке, мы долго не могли успокоить-

ся – смех так сильно разбирал нас, что мы сгибались пополам и прикрывали ладонями рты, боясь разбудить всех птиц и насекомых в округе. Наверное, у нас случился нервный шок.

– Он упадет в обморок... – шептала Лилька.

– И Витька с Серегой тоже...

– Ага! Не представляю...

– У-у-у... надо быть погромче.

Только добравшись до озера, заметив вдалеке костер и неясные тени, мы наконец-то поняли, во что ввязались. Во-первых, в темноте мысли об утопленниках перестали быть такими уж забавными – нам предстояло залезть в воду... А во-вторых, утром Колька вместе со своими друзьями наверняка захочет отомстить...

Переглянувшись, потоптавшись на месте, мы проглотили свои страхи и, не желая демонстрировать друг другу испуг, быстренько разделись, оставив на себе лишь майки и тренировочные штаны, закатанные до колен.

– Мы ненормальные, – наконец-то выдохнула Лилька, завязывая на моей руке полоску бинта.

– Да, – согласилась я, стараясь не думать о раздутых стеклянноглазых ходячих утопленниках.

Вода оказалась теплой, и это подействовало ободряюще. Оглядевшись, я смогла отметить царившую кругом спокойную красоту, коротко улыбнулась и поплыла. Наверное, мое лицо, натертое мелом, светилось не хуже луны, потому что Лилька, повернув голову, округлила глаза, демонстрируя на-

игранный ужас. Я ей ответила тем же.

Выбравшись на берег, мы бесшумно юркнули за высоченную, разросшуюся траву, отдышались и на секунду замерли. Лилька сжала мою руку, и я почувствовала дрожь. Тянуть не имело смысла.

– Пора, – прошептала я и выпрямилась. Только одна мысль, что утопленники не схватили нас под водой за ноги и не утащили на дно, придавала мне невероятные силы...

Мы шли красиво. Немного расставив ноги, практически не сгибая колени, подняв руки вверх. Бинты развевались на легком ветерке, волосы висели сосульками, наши перекошенные физиономии пугали даже мошкарку. Пожалуй, нам стоило всерьез задуматься об актерской профессии, вряд ли кто-нибудь смог бы изобразить покойников лучше.

– У-у-у... – начала Лилька.

– У-у-у... – подхватила я.

Эхо, отскочив от берега, полетело к лесу, задевая каждую корягу на пути. Наше воображение нетерпеливо рисовало перепуганных до смерти одноклассников, вкус радостной победы уже кружил голову. Никакого страха больше не было – лишь азарт и веселье.

– У-у-у... – продолжала Лилька.

– У-у-у... – вторила я.

Еще шаг, еще один, и мы увидим Кольку, Витьку и Серегу (позорно теряющих сознание), а может, еще и малышню какую-нибудь (пудрят же они кому-то мозги своими глупыми

байками...).

Но ни Кольку, ни Витьку, ни Серегу мы не увидели, около костра сидел рослый молодой человек в джинсах и темной рубашке и с интересом смотрел в нашу сторону. Вой мгновенно оборвался, а удивление и разочарование достигло наивысшей точки.

– Кто это?.. – прошептала Лилька, не опуская руки.

Молодой человек поднялся и сделал несколько шагов в нашу сторону. Дрова треснули, огонь взметнулся вверх и осветил лицо незнакомца.

Незнакомца?

О нет, я уже знала, кто передо мной стоит – по очертаниям, движениям, бешеному стуку собственного сердца...

Павел Акимов – прекрасная часть моего прошлого...

И я, конечно же, опять оказалась в самом идиотском положении!

– Добрый вечер, – произнес он спокойно, точно перед ним стояли не два мокрых утопленника, а вполне приличные бабышны.

– Здравсте... – ответила Лилька, тоже узнав Павла. – А мы тут... купались... немного... – Она опустила руки и толкнула меня локтем в бок. Я тоже медленно опустила руки.

– Да... здравсте... м-м-м, прекрасная погода... нехолодно вроде...

В этот момент комар сел на Лилькину щеку, и она решительно убила его. Раздался звонкий хлопок, а затем тишина.

Павел смотрел на меня неотрывно. Еще бы! Такая картина! Не то богомол, не то инопланетянин с белым лицом, в прилипшей к телу майке, обвисших под тяжестью воды тренировочных и с бинтами на руках... Я почувствовала себя не просто высокой и тощей, а невероятно высокой и невероятно тощей! Руки и ноги, как жерди, грудь отсутствует, бедра тоже... Я была соломинкой, надломленной в нескольких местах, а не той девушкой, которая может понравиться *такому* парню. Уже взрослому парню.

– Привет, – сказала я и сделала попытку улыбнуться. Получилось не очень-то хорошо...

– А ты что... не испугался? – В Лилькином голосе прозвучала неожиданная обида. – Мы старались, а ты не испугался!

– Испугался, – он кивнул и улыбнулся, – но закричать не успел.

Мы помолчали немного, обменялись взглядами и дружно захохотали. Невидимая преграда времени рухнула, и мне показалось, будто не было этих двух с лишним лет – он такой же, и я такая же. Ну, богомол, ну, инопланетянин... Подумаешь!

Домой мы возвращались неторопливо и шумно, эмоции переполняли нас. Половину пути и я, и Лилька болтали без умолку – говорили, говорили, говорили, не обращая внимания на испуганные крики птиц и мокрую одежду (сухая одежда, приготовленная заранее, была забыта и не вызывала интереса). «Ничего себе, какой он стал!» – восклицала Лиль-

ка. «Красивый, – соглашалась я, стараясь демонстрировать равнодушие. – И с нами нормально поболтал». – «И все же он испугался! Я видела!» – «Нет, он совсем не испугался, – возражала я, – удивился только и все». – «Да кто бы не удивился!»

Павел рассказал, что приехал вчера вместе с сестрой и двумя ее подругами и за сутки так устал от девчонок, что решил уединиться хоть на часик на берегу озера. А тут мы... белые и страшные... Не повезло. Лильку это очень развеселило, впрочем, меня тоже.

Вторую половину пути я шла как во сне. Я была уверена – Павел завтра найдет меня, и мы вспомним первое знакомство, драку со Славкой... Надежда вновь засияет на горизонте.

Прокравшись по двору, вернувшись в свою комнату через окно, я сразу достала из разных тайников шарф и ожерелье и еще долго не ложилась спать, чувствуя себя самой счастливой на свете.

* * *

К обеду нетерпение достигло точки кипения – я два раза сходила в магазин, прогулялась по деревне туда-сюда, нарвала ромашек в поле и нагадала на всю оставшуюся жизнь, но Павла не встретила. Зато встретила Славку (прошли мимо друг друга) и Лильку, бежавшую ко мне с радостной вестью.

– Мои сваливают в город на два дня – едут к тетке! Я уломала бабушку на вечеринку! Правда, потом мне придется прополоть шесть грядок по километру каждая, но это мелочи! – Она кричала так, что у меня зазвенело в ушах.

– Здорово!

Это была уже третья вечеринка, которую устраивала моя подруга, и это действительно была отличная новость.

Лильке по этому поводу завидовали все. Ее родители щедро оставляли нам четыре трехлитровые банки компота, конфеты, печенье, а бабушка пекла пирожки с рисом и яйцом – пир горой для избранных (так говорила Лилька, хотя звала всех подряд).

– Завтра в пять на веранде. – Она схватила меня за плечи и радостно затрясла, тут же отпустила и побежала дальше приглашать гостей. Но остановилась, развернулась и улыбнулась до ушей: – Расскажем всем про вчерашнее, да? Пусть знают, какие мы крутые девчонки! Ты Павла уже видела? Я с ним встретилась на развилке... Мы проболтали целый час.

Теперь уже мне хотелось схватить Лильку за плечи и затрясти, но я вовремя сообразила, что она меня дразнит и специально делает вид, будто встреча с Павлом Акимовым – рядовой пустяк. Иногда на нее находила вот такая вредность, а уж в вопросах, связанных с мальчиками, она считала себя минимум профессором.

– Не-а, не видела, – равнодушно ответила я.

– А я его тоже пригласила. Ага. Вместе с сестрой и ее по-

дружками, интересно же посмотреть, какие они... – Лилька пожала плечами и уверенно добавила: – Наверняка страшные и противные!

Я заметила, что ее взгляд пополз влево, и оглянулась. Метрах в семи от меня, на нашем деревенском перекрестке, стоял Павел.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – сказала я.

– Ну, я побежала к Катьке, – бросила Лилька, и на том месте, где она стояла еще секунду назад, осталось лишь облако дорожной пыли.

Мысленно я поблагодарила подругу за такую скорость и тяжело вздохнула, прекрасно понимая, какие чувства крупными буквами написаны на моем лице...

Глава 4. Любовь – это очень хорошая штука, особенно когда она взаимна...

О, теперь, при свете дня, я могла его рассмотреть. М-м-м, с таким всевозрастающим любопытством археологи изучают только что найденные древние сосуды, кости и драгоценности – душа дрожит, а сердце учащенно бьется и куда-то то-ропится...

Конечно, Павел уже давно перестал быть мальчиком, наверное, поступил в институт или университет, наверное, родители гордятся им, а девушки... Лучше об этом не думать.

Горячий ветерок скользнул по моей щеке и полетел к нему, отмеряя расстояние между прошлым и настоящим. А я-то уже неслась в будущее! Ловко сворачивая на каждом повороте, преодолевая любые преграды...

– Давай погуляем, – предложил Павел и протянул руку.

Я подошла ближе и тоже протянула руку. Коснулась пальцами его пальцев и почувствовала тепло, то самое тепло, которого мне так не хватило той зимой...

Идти по деревне со взрослым приезжим парнем, держаться за руки – это смертный приговор, особенно при наличии тети Томи, но не было силы, способной остановить меня, образумить. Ее просто не существовало.

– А ты надолго приехал? – спросила я «непринужденно».

– Пока не знаю, все зависит от бабушки. Она вроде боле-

ет, но отсюда уезжать не хочет. Мама уламывает ее показать-ся врачам, хотя отец считает, что в таком возрасте человеку просто необходимы внимание и общение.

– Хорошо, если так, – ответила я, практически не дыша.

– Девчонки вчера ее неплохо развлекали... – Он помолчал и добавил серьезно: – А ты стала другой. Очень выросла и...

– ...и превратилась в богомола.

– Что? – Павел остановился, приподнял брови и удивленно посмотрел на меня.

– В богомола, – повторила я.

Он закинул голову назад и искренне засмеялся, затем, успокоившись, заглянул мне в глаза и серьезно произнес:

– Съешь того, кто тебе это сказал, понятно?

В жизни бывают моменты, которые хочется схватить и спрятать под подушку, чтобы потом всю жизнь снились сказочные сны. Или, наоборот, положить на ладонь, дунуть и посмотреть, как летит на свободу счастье... Мир золотится, переливается, звенит и становится лучше – уютнее и ярче.

Это был именно такой момент. Самый лучший, праздничный. Я даже, как мудрая сова, подумала о том, что судьба по-честному уравнивала плохое и хорошее, и теперь-то все обязательно устроится чудесно. Павел же мог не брать меня за руку, *но он взял*. Он мог сделать вид, будто не знает меня, *но не сделал*. Его зеленые глаза... светлая челка, упавшая на лоб... серьезный и одновременно лукавый взгляд...

Я жадно вдохнула воздух, желая поймать запах Павла,

вернее, запах его незнакомой жизни, замерла, давая себе возможность запомнить эту минуту, выдохнула и улыбнулась. А затем с сожалением отпустила его руку, потому что ноги уже подкашивались и немели... «Я это все придумала, придумала, придумала...» – мысленно твердила я, но слова рассыпались в пыль.

Мы гуляли часа два и больше молчали, чем говорили. Я немного рассказала про наше житие-бытие, а Павел немного про свое. Мне нравился его спокойный голос, уверенные движения, короткие точные фразы. Несмотря на рост и угловатость, я чувствовала себя Золушкой на балу (и часы никогда не пробьют полночь, и карета не превратится в оранжевую пузатую тыкву с мятым боком...). Но один вопрос меня мучил. Он был лишний и дурацкий, детский и бессмысленный, но я должна была его задать, ну, просто чтобы знать...

– А за эти два года ты приезжал сюда? К бабушке с дедушкой?

– Да, пару раз, – ответил Павел, – но ненадолго. До деревни вашей ни разу не дошел...

– И зря, – перебила я, – у нас замечательная деревня.

– Я не сомневаюсь в этом...

Он посмотрел на меня пристально и прищурился. Конечно, Павел прекрасно понимал, о чем я... Но разве нас что-то связывало, разве кто-то кому-то был должен? Вовсе нет. Тогда, зимой, мы вместе провели смешное количество времени, и с чего бы ему искать со мной встреч? И, если бы мы

с Лилькой не прикинулись дохляками и не принялись выть на луну, то... То он бы, наверное, и сегодня не дошел до деревни.

Вроде мои мысли выстраивались ровно, но какая-то запятая или черточка ускользала, и опять тянулось по кругу: *«Но он же взял меня за руку...»*

– После того как я тебя вчера увидел, я уже не мог не прийти, – добавил Павел, и его щеки чуть порозовели. – Я уже не мог не прийти... – повторил он тише.

Окажись тетя Тома поблизости, ее ожидал бы шок, потому что в эту секунду я удивительным образом преобразилась и превратилась в сказочную принцессу, святящуюся счастьем изнутри, но, увы, красную как вареный рак. Зрелище не для слабонервных.

– Я... рада... – К сожалению, ничего умнее выдавить из себя не получилось.

Проводив меня почти до дома, Павел с улыбкой сказал волшебное «до свидания» и ушел, а я, обняв мир руками, ввалилась в кухню и закружилась на месте. Всегда нужно надеяться и верить, всегда! Не случайно же судьба нас постоянно сводит с теми, кто очень нужен... И так удачно, что Лилька пригласила на вечеринку... Компот и пирожки с рисом...

А если сбежать? К озеру? Развести костер, устроиться на бревнах... ну, в смысле сесть рядом и поболтать...

– Эй! – раздался голос Славки-Шамана, а затем прозвучал

громкий стук в дверь. — Открой, поговорить надо...

От неожиданности я вздрогнула и трусливо заметалась по кухне. Конечно, я знала, что расплата неминуема, что за каждую секунду счастья придется ответить, но... возмездия с этой стороны я совершенно не ждала. По любой логике прибить меня должна была тетя Тома, и Славка никак не мог ее опередить. И, даже если бы он захотел потом привести приговор в исполнение, ему бы попросту уже ничего не досталось — лишь косточки валялись бы на дорожке во дворе... мои косточки...

— Открой... слышишь?

После короткой паники на меня опустилось совершенно непонятное смущение. В животе булькнуло, в груди сначала похолодело, а затем стало горячо. Дверь я обычно не закрывала и, прячась от неизбежной встречи, стояла столбом и пыталась вспомнить, в какой же момент накинула крючок на петлю... Будто это являлось наиважнейшим событием, способным на что-то повлиять.

Я никогда раньше не разговаривала со Славкой «по душам». Собственно, с тех пор, как меня зачислили в его невесты, мы с ним вообще не общались. Видеться стали чаще, но не общались. Он держал дистанцию, на радость и злость тети Тома. «Подбирается, гад», «присматривается», «погибель твою готовит, убивец проклятый», «затаился в засаде, сволочь!» — иногда бросала она и гневно фыркала. Я молчала и на всякий случай игнорировала «жениха».

А теперь меня ожидала неизвестность...

Наконец, справившись со всеми чувствами разом, я сказала себе: «Ты не его девушка, ты абсолютно точно не его девушка», решительно направилась к двери и распахнула ее. Наверное, мысли о Павле придали мне силы, да и не сделала я ничего плохого, чтобы прятаться, словно перепуганный кролик.

– Привет. Что нужно? – сухо поинтересовалась я, подчеркивая свою независимость.

Славка зашел в дом, резко развернулся, постоял немного, прислонился спиной к хрупкому шкафчику и сунул руки в карманы брюк. Его взгляд был холодным и не обещал ничего хорошего.

– Кто он? Это тот парень из акимовского дома?

– Да.

– У тебя с ним что? – холодно спросил Славка.

«*К сожалению, мы пока мало были вдвоем...*» – так можно было ответить, если бы я захотела отправиться на тот свет в ближайшие пять минут.

«*Абсолютно ничего*», – нет, предательский вариант какой-то...

«*У меня с ним – все!*» – ой...

– Тебя это совершенно не касается, – мужественно ответила я, теряя самообладание.

– Касается.

От Славки исходила невероятная сила и уверенность, на

секунду мне даже показалось, что он прав. Но затем произошли невидимые, но ощутимые изменения, и я заметила в его глазах волнение, а на виске – тонкую вену, точно начерченную карандашом на гладкой загорелой коже. «Я не его девушка, не его...» – пришлось повторить заклинание.

– Ты зачем пришел? – спросила я тихо.

– Он приехал, а потом опять уедет, – бросил Славка в ответ.

Разговор у нас просто не мог получиться, и мы оба об этом знали, и каждый догадывался, о чем думает другой, какие фразы проглатывает, а какие приберегает на следующий раз. Мы стояли на расстоянии метра, скованные и ершистые, и у каждого была своя правда. Но я-то ладно... А вот видеть в таком состоянии «убивца» Шамана... У меня во рту пересохло и больно кольнуло в левом боку!

– Не важно, – ответила я.

Славка отлип от шкафчика и, не вынимая рук из карманов, пошел к двери.

– Чтоб я тебя больше с ним не видел, – резко произнес он, но, несмотря на тон, я не уловила в его голосе злобы.

Отвечать я ничего не стала, но, когда ступеньки издали несколько жалобных скрипов, обняла себя опять и прошептала:

– Завтра в пять на Лилькиной веранде... – И счастливо улыбнулась.

Видимо, удача была на моей стороне, потому что тетя Тома пришла домой поздно, крепко выпила, закусила холодной картошкой и солеными огурцами, а потом на целый час затянула русские народные песни о глубокой кручине и тяжелой доле одинокой женщины, обманутой то подлым женихом, то заезжим добрым молодцем, то страшным лиходеем. Слухи о моей прогулке до нее явно не дошли, а значит, шанс дожить до Лилькиной вечеринки у меня был.

– Печаль на сердце, – сообщила тетя Тома, выпивая следующую рюмку водки. – Тебе этого не понять! Ты и знать не знаешь, что такое томление в груди! Завтра я в город поеду, поняла?

– Да, – выдохнула я, скрывая радость.

О, сколько томления рвалось на свободу из моей груди! Сколько жарких и острых чувств кружилось, подскакивало и вздрагивало! Наверное, я смогла бы написать об этом сочинение на сто листов...

«Спасена, – подумала я, – завтра – мой день!»

И этот день наступил.

Промучившись с головной болью до обеда, тетя Тома загрузила меня уборкой дома, быстро собралась, приделалась, накрасила губы и в три часа уехала, пообещав после возвращения проверить каждый угол на предмет пыли. Наполнив

ведро водой, подхватив тряпку, я, лучась счастьем, взялась за дело. О, я была даже рада, что нет ни одной минуты свободного времени, иначе мысли и нервное перевозбуждение свели бы меня с ума! Я мыла, драила, бегала, меняла воду и кидала быстрые взгляды на часы – на лице сияла улыбка, которую я не пыталась сдержать или спрятать. Пусть сияет!

Модной одежды у меня не было, но это ничуть не огорчало, потому что я бы все равно постеснялась ее надеть. Остановив выбор на практичном темно-зеленом сарафане и серой кофточке на пуговицах, я успокоилась и переключилась на прическу. Мне хотелось, чтобы прямые светлые волосы стали пышнее и легли ровными волнами и чтобы сзади тоже получилось красиво... Но после десятой попытки пришлось признать тщетность усилий – против природы не попрешь. Недовольно отправив расческу в ящик комода, я смирилась с привычным образом деревенской девчонки, еще немного покрутилась перед зеркалом и, закрыв дверь, рванула на вечеринку.

– Привет! – Лилька махнула пучком петрушки и торопливо добавила: – Давай помогай, а то я ничего не успеваю, я вообще-то надеялась, что ты раньше придешь.

– Тетка полы драить заставила, – оправдалась я, направляясь следом.

Подготовка шла полным ходом – банки с компотом стояли в ряд, пирожки, прикрытые полотенцами, возвышались горками, вкусно пахло картошкой и хлебом. Оставались по-

следние приготовления и – «добро пожаловать, гости дорогие!».

Мы дружно принялись накрывать на стол, смеялись, вспоминали предыдущие вечеринки, обменивались короткими фразами о Павле и его сестре. К пяти часам без опоздания пришли шестеро наших одноклассников и три девчонки – подружки Лильки, остальные появились минут через пятнадцать. Почти каждый принес «пропитание», щедро выделенное родителями, и нам пришлось вновь вернуться к столу и тарелкам.

– Мы столько не съедим! – воскликнула Лилька, вынимая из пакета замысловатый крендель размером с подкову Змея Горыныча.

– Прошлый раз ты говорила то же самое, – напомнила я, – но за два часа смели все.

– Смотри, Павел...

Я подняла голову и посмотрела в окно – да, к дому в обществе сестры и еще двух девушек шел Павел. Нужно ли говорить о том, как сжалось мое сердце от... Ну, он просто был очень красивый. Джинсы, футболка... Самый красивый на свете!

– Как ты думаешь, мне его нужно встретить?

– Конечно! – выпалила Лилька, подталкивая меня к двери. – Мы же вежливые люди... мы вообще всех встречаем! Давай, давай!

Я и глазом не успела моргнуть, как оказалась на ступень-

ках с идиотской радушной улыбкой на лице (мне бы еще в руки полотенце, крендель и солонку... и опять можно будет участвовать в конкурсе на самый глупый вид!).

– Здравствуйте, – выдохнула я, пропуская любопытные взгляды Кольки, Сереги, Светки и других. – А мы как раз уже на стол накрыли.

– Привет, – мягко произнес Павел.

– Привет, привет... – со значением выдала Лиза. Две ее подружки одновременно кивнули и с интересом огляделись.

– Проходите, устраивайтесь, веселитесь, – продолжила я, мысленно ругая себя за скованность. – Сейчас будем есть пирожки и пить компот.

– С ума сойти, – прокомментировала Лиза и, видимо, сгорая от любопытства, потащила подруг на веранду. Она очень изменилась внешне, и это болью отозвалось в моем сердце... Невозможно не чувствовать себя гадким утенком рядом с такой самоуверенной принцессой. Собственно, рядом с тремя принцессами, потому что Лизины подруги тоже были из того, другого мира, недоступного мне... Острая ревность сжала горло, и я чуть не разрыдалась, но навалившееся отчаяние было чутко исправлено Павлом...

– Это вам, – произнес он и протянул две красивые розово-малиновые коробки конфет. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, – прошептала я.

Дальше все закрутилось с такой немыслимой скоростью, что я пришла в себя только через два часа. Началось весе-

лье с приглушенной музыкой (чтобы не разозлить соседей), с шутками и танцами, с прошлогодними байками и хохотом. Пироги и картошку умяли со скоростью звука, да и от кренделя ничего не осталось. То ли Колька что-то подлил в банки, то ли компот оказался забродившим, но всем было хорошо, и воздух искрился смешинками.

Лиза с подругами сначала держалась в стороне, но потом, получив от мальчишек порцию восхищения, снизошла до простых смертных, перестала водить носом и «влилась в толпу». Но я продолжала чувствовать на себе ее внимание, и это не давало возможности расслабиться.

Павел все время находился поблизости. Мы мало разговаривали, за столом всего два раза соприкоснулись локтями, и взгляды вроде казались случайными... но каждой клеточкой тела я ощущала его присутствие, его тепло... Будто мы оба знаем что-то важное, и в эту тайну никому хода нет.

Когда дурашливые танцы закончились и зазвучала медленная музыка, Павел подошел ко мне и протянул руку.

– Можно? – спросил он спокойно.

– Да, – ответила я и поднялась.

Его ладони легли на мою талию, а мои – на его плечи. Рядом еще образовались парочки, но я никого не видела и не слышала... На свете существовали только два человека: он и я...

– Я очень ждал этого вечера, – тихо сказал Павел, и его ладони стали горячее.

– И я...

– Ты стала такой красивой...

– М-м...

У меня имелись большие сомнения по этому поводу, но слова были бесконечно приятны... Я уже не считала себя какой-то маленькой девочкой или длинным неловким созданием в возрасте под названием «ни туда, ни сюда», я окрепла, взмыла в небо на крыльях любви и... захотела большего.

– Давай погуляем немного, – предложил Павел, останавливая танец.

– Да, – кивнула я.

Друзья-приятели-одноклассники отдыхали с удовольствием: кто-то входил в дом, кто-то выходил, две парочки уже давно заняли скамейки около калитки, опять же танцы и болтовня... Наше исчезновение не бросалось в глаза, мы тоже имели право проводить вечер так, как нам заблагорассудится. Один шаг к двери, второй, третий... ступеньки, столик, застеленный клеенкой... яблоня, которой, наверное, исполнилось сто лет...

Нас тянуло в укромное, скрытое от людских глаз место, поэтому, не сговариваясь, мы направились к новенькому добротному сараю, построенному Лилькиными родителями в середине весны. Еще сохранился аромат досок, и в уголках лежали завитки стружки, вдоль одной стены рядком выстроились набитые чем-то мешки, напротив стояли два стареньких стула и узкий стол, заваленный всякой ерундой.

Остановившись посередине, я развернулась и посмотрела на Павла. Теперь я чувствовала себя беззащитной и слабой, и это мне удивительным образом нравилось. Точно так и должна себя чувствовать женщина наедине с мужчиной. Он – сильный, а она – слабая. Часть доверия, что ли...

Павел прошелся к маленькому окошку и замер в метре от меня.

– Я знал, что увижу тебя однажды, – произнес он хрипло и повернул голову в мою сторону. – Всегда знал.

– Я скучала...

– Спасибо.

Он сделал два медленных шага ко мне. Я сделала один – малюсенький – к нему. Невозможно передать словами, какое напряжение сковало руки и ноги, какая сила приклеила нас к полу. Мы стояли близко и были почти раздавлены теми невероятными чувствами, которые обрушиваются на человека однажды и никогда уже не отпускают. А если захочешь когда-нибудь, чтобы отпустили, то придется биться насмерть, вырывая у судьбы свободу...

Между нами лежали короткие встречи и общие фразы – так мало... но кто же считает эти минуты, кто вообще имеет представление о том, сколько раз нужно встретиться и сколько слов нужно произнести, чтобы жизнь изменилась раз и навсегда.

Павел сделал еще один шаг, чуть помедлил и осторожно погладил меня по голове, как котенка. Улыбнулся, наклонил-

ся и нежно поцеловал в губы. Это был вовсе не долгий взрослый поцелуй, и в моей душе заныло сожаление, но через секунду я поняла, как тяжело далась ему сдержанность.

Павел дрожал... его почти колотило, когда он сильно прижал меня к себе, запустил пальцы в мои волосы и шумно вдохнул и выдохнул. И меня тоже стало колотить, потому что все тайные, сокровенные мечты сбывались... Я мечтала о счастье, и вот оно – рядом, я еще не понимала толком, что такое страсть... Стены сарая кружились, а любовь первый раз по-настоящему трясла мою душу и не отпускала.

– Ты не исчезнешь? – спросила я. – Как тогда... не исчезнешь?

– Нет. Ни за что. Я всегда буду с тобой.

– Обещаешь?

– Обещаю. Тебя нельзя забыть... Я задержусь здесь как можно дольше, наверное, получится на целый месяц... а дальше разберемся, я смогу часто приезжать... Я хочу быть с тобой всегда...

Дыхание Павла сбилось. Он наклонил голову и накрыл мои губы своими губами, теперь это был совсем другой поцелуй... Поцелуй, уносящий в неизведанные дали.

Подняв руки, я повисла на его плечах. Он подхватил меня, что-то пробормотал, развернул спиной к окну, бросил недовольный взгляд на мешки и стулья, нахмурился и вновь стал целовать. Пожалуй, мы оба жадничали – скорей бы, скорей бы насладиться этой неожиданной, но обязательной близо-

стью, как же долго мы не имели возможности коснуться друг друга и... правды.

– Я очень тебя ждала, – прошептала я, дотрагиваясь ладонью до его щеки.

– Я сделаю все, чтобы ты была счастлива...

Наверное, мгновения неопишемого блаженства тянулись бы бесконечно, но дверь с криканьем распахнулась, и раздался едкий голос Лизы:

– Кто бы сомневался! Павел, Павел, ты сошел с ума...

– Уходи, – холодно ответил он ей, не размыкая объятий.

– О, какие страсти... Да я уйду, не волнуйся, тут и смотреть-то не на что... Вас, мужчин, умом не понять.

– Уходи, – повторил Павел.

Появление Лизы было настолько неожиданным, что ее обидные слова не дошли до моего сердца. Но боль заметалась в душе, ища и не находя выхода. Почему, почему мне вечно не везет... Или я не права, или во мне кипит эгоизм? Разве случившейся нежности мало, разве слова Павла не означают, что преграды нам нипочем? Означают! Еще как означают! Нельзя думать о плохом.

– Ладно, не стану вам мешать, – усмехнулась Лиза. – Должны же вы хорошенько попрощаться на века. – Засмеявшись, она удалилась, а я сильнее прижалась к Павлу.

– Не слушай ее, ладно? – попросил он. – Она вредная, и с этим ничего не поделаешь.

– Когда мы теперь увидимся?

– Завтра.

В его зеленых глазах было столько уверенности, что я улыбнулась.

Мы покинули сарай, вернулись на веранду, пожевали хлеба с маслом, обменялись теплыми взглядами и постепенно влились в общую болтовню. А минут через двадцать Лилька, утянув меня в свою комнату, потребовала подробностей:

– Ну? Целовались?

– Ага, – кивнула я.

– Теперь вас никто не разлучит.

Я рассказала о Лизе, но на Лильку это особого впечатления не произвело.

– Подумаешь! – фыркнула она. – Противная сестричка просто завистлива и зла, не нужно обращать на нее внимания. А Павел хороший и взрослый, ему ничье разрешение не требуется. Я так рада за вас!

Но когда я потащила гору посуды на улицу к мойке, меня остановила Лиза. Я видела, как ей хочется подпортить мне настроение, и решила, что ни за что не поддамся ни на какие провокации.

– Не спорю, он в тебя втрескался по уши, – усмехнулась она. – Но только ничего у вас не получится. Знаешь, почему Пашка исчез в прошлый раз? Потому что я обо всем рассказала маме, и она объяснила ему, кто ты и кто он. Он с ней долго спорил, но... Но Пашка всегда поступает так, как она захочет. Лучше ни на что не надейся, дорогая Анастасия.

Лиза ушла, а я еще минуту стояла неподвижно, сжав губы.
«Я сделаю все, чтобы ты была счастлива...» Он обещал, и
я верила...

Глава 5, в которой я становлюсь взрослой, а также узнаю тайну своей фамилии

Промаявшись полночи воспоминаниями, я проспала до десяти утра, а затем долго не могла заставить себя подняться с постели. Ерзала, ерзала, вздыхала и улыбалась. Я вообще любила, когда тетя Тома уезжала (особое состояние покоя, когда можно делать что хочешь, и никто тебя за это не порубит на кусочки и не пожарит с солью и перцем), и старательно наслаждалась каждой минутой одиночества. Мысли постоянно устремлялись к Павлу, а волнение первого поцелуя щекоткой отзывалось в груди... Мы договорились встретиться на развилке в двенадцать, и ждать оставалось недолго.

От завтрака я отказалась, лишь выпила чай и слопала столовую ложку клубничного варенья. Решив немного почитать, я устроилась с книгой на диванчике в кухне и... И раздался стук в дверь.

«Славка», – подумала я и нахмурилась.

Но на пороге стояла высокая, стройная, ухоженная блондинка... мать Павла. Ее брюки и кофта с короткими рукавами были настолько белоснежными, что у меня заболели глаза и заныли зубы. А может, это недоброе предчувствие дало о себе знать...

– Здравствуй, девочка, – с металлическими нотками в голосе произнесла гостя и оглядела меня с головы до ног, – я пришла поговорить с тобой.

Не дожидаясь ответа, она перешагнула порог, дотронулась тонкими пальцами до узелка нежно-голубого платка, повязанного на шее, и направилась в кухню. Постояв немного под лампой, резко развернулась и устремилась в комнату.

Мой шок был глубоким и затяжным... «Хорошо, что полы вчера помыла», – пронеслась мысль, и сердце ухнуло.

Мать Павла села на стул около окна и указала на табурет.

Я тоже села и окончательно потеряла способность здраво рассуждать.

– Меня зовут Мария Александровна, и, полагаю, ты знаешь, кто я. – Она выдержала паузу. – И о причине моего визита наверняка ты тоже догадываешься.

«Ей больше подошло бы имя – Илона... или Элоиза», – отстраненно подумала я.

– Да, я знаю, кто вы...

– Несколько лет назад мне пришлось объяснить Павлу некоторые вещи, и я надеялась, что больше к этой теме возвращаться не придется, но... – Мария Александровна вновь оглядела меня с головы до ног, и я почувствовала себя бабочкой-капустницей, которой кто-то хорошенько примял крылья. – А ты настырная девочка, Настя... Конечно, это для тебя единственный шанс вырваться из этой дыры... Сколько тебе лет?

– Пятнадцать с половиной, – ответила я.

– Умна не по годам, – усмехнулась Мария Александровна.

Оскорбительный тон и ледяной взгляд сдавили мою душу и превратили ее в тонкий блин. Я могла ругаться с Колькой, задираться со Славкой или Доней, но я совершенно была безоружна перед взрослой, красивой женщиной, не питающей ко мне даже уважения. Перед женщиной, являющейся матерью Павла...

– Я люблю его! – с отчаянием выпалила я, и услышала в ответ громкий искренний смех.

– Неужели? И замуж за него пойдешь? Еще бы не пойти! – Мария Александровна презрительно скривила губы. – Послушай меня внимательно, девочка... Мой сын слишком хорош для тебя. Пройдет время, он окрепнет, получит образование, займет достойное место в бизнесе своего отца и только тогда выберет себе жену. И уверяю тебя, он выберет достойную девушку из хорошей семьи, а не голь перекатную, читающую по слогам!

– Я хорошо читаю!

– Меня не интересует ничего, что связано с тобой. Ты – никто, запомни это. И чтобы я больше не видела тебя рядом со своим сыном. Сегодня же Павел вернется домой.

– Нет, – замотала я головой. «Он обещал, обещал, обещал...»

– Да. Он послушает меня, девочка, вот увидишь. Пока он еще не в состоянии обеспечить себя, и у него есть обязатель-

ства перед семьей, которые необходимо выполнять. Он послушает меня.

Наша битва была неравной, но меня делали сильной слова Павла. Взяв себя в руки, я немного успокоилась и выпрямила спину. Никто не сможет запретить мне любить его. И ему никто не запретит. Это не под силу ни одному человеку. Да, у меня нет красивых платьев и денег нет... Но зато в моей душе есть настоящие чувства!

Мария Александровна резко поднялась, бросила на меня последний взгляд и победно произнесла:

– Я сказала все, что хотела. Прощай.

Стук ее каблуков о стертый пол тоже можно было назвать победным, но я продолжала надеяться на счастье...

Через полтора часа я неслась к развилке как ошпаренная, два раза чуть не споткнулась и не упала на дорогу. Павел уже стоял и ждал меня, и я буквально врезалась в его грудь, желая скорее позабыть страшный сон под названием: «Уверю тебя, он выберет достойную девушку из хорошей семьи». Я подняла голову и заглянула в его добрые, зеленые глаза... Подняла руку и коснулась его светлой челки...

– Настя... – произнес он и отвернулся.

– Ко мне приходила твоя мама... Нужно ей объяснить, что у нас все серьезно!

Павел отстранился и отошел в сторону. Его опять колотило, и это невозможно было скрыть.

– Ты для меня значишь очень, очень много, – произнес он

с болью в голосе. — Я не забывал тебя ни на минуту... Честно. И вряд ли смогу забыть. Да, не забуду. — Павел вернулся, схватил меня за плечи и затряс. — Ты внутри меня! Ты внутри меня! Безумие какое-то! Но я должен... Должен поступить так, как просит она! У меня есть обязательства...

Он разжал руки, и я чуть не рухнула на землю. От кончиков пальцев ног кверху устремилась жаркая волна отчаяния, и, когда она накрыла меня с головой, я поняла: вот теперь, сейчас, я стала взрослой.

— Мы никому не скажем... — прошептала я. — Что-нибудь придумаем...

— Нет... невозможно.

Могла ли я его винить? Да! Солёный вкус предательства был на моих губах.

Но я тоже завишу от тети Томи, я завишу даже от ее настроения!

Могла ли я его винить?

Нет.

Не знаю...

Я бы согласилась на самые редкие, самые тайные встречи! Да я бы согласилась на все, лишь бы знать, что нужна ему!

— Не молчи, — выдохнул он.

— Прощай, — по-детски гордо ответила я, развернулась и пошла обратно. Конечно, я надеялась услышать: «постой, ты мне нужна!», «я люблю тебя!», «не уходи, только не уходи!», «я буду с тобой!», но эти слова не прозвучали... Сделав пят-

надцать шагов (а я считала каждый!), я чуть сама не рванула назад, но слезы задушили, и на смену детской гордости пришла вселенская безысходность.

* * *

Славка торчал около дома. Прислонившись к калитке, привычно сунув руки в карманы, он – «убивец проклятый» – ждал свою «невесту». То есть меня. Вот ему было все равно, умею ли я читать, писать, вышивать, слагать былины, окончу ли я институт или университет. И размер моего приданого, равный нулю, его совершенно не беспокоил. И будущие родственные связи с тетей Томой, способной сжечь деревню после трех рюмок водки, – тоже. И он бы точно пришел любого, кто посмел бы косо посмотреть на меня.

– Давай поженимся, – предложила я, притормозив рядом со Славкой.

– Давай, – спокойно ответил он, отлипая от калитки.

– Прямо сейчас.

– Тебе восемнадцати нет.

– Плевать, – твердо ответила я.

– Хочешь, я его убью? – предложил Славка.

И я, потеряв последние капли мужества, уткнулась в его твердую грудь и разрыдалась. Я ревела громко, судорожно и безостановочно, а он стоял, как скала, не желая утешать ту, которая любит другого. Но и оттолкнуть не смел. Просто

стоял.

Успокоившись, я вытерла ладонями лицо и пошла в дом. Славка зло плюнул в траву и направился в сторону сторожки. Я обернулась и посмотрела на его спину. «Вот почему, почему я люблю не его?.. Почему?..»

Если бы я тогда знала, что мы расстанемся на годы, если бы я тогда знала... Я бы бросилась следом и вновь уткнулась в его грудь, вдохнула запах сигарет и... и эгоистично забрала бы кусочек его силы... Славка... Шаман...

Да, мы расставались надолго, и я понятия не имела, какой круговорот событий меня ждет... И сколько сил мне еще понадобится.

* * *

Когда к дому подъехала необыкновенная, красивая, ярко-красная машина, я уже справилась с истерикой и, положив руку на узкий подоконник, неподвижно сидела у окна, глядя на улицу. Душа горела, но слез больше не было.

Но когда из этой необыкновенной, красивой, ярко-красной машины вышла тетя Тома, я... резко подалась вперед и стукнулась лбом о стекло.

Тетя Тома могла приехать на телеге Воробьевых, на тарантасе Сомовых, даже на старой кляче по имени Гунила, давным-давно беспризорно слоняющейся по окрестностям, — могла. Но на машине, похожей на роскошный корабль, со-

скользнувший с обложки журнала, – нет, нет и нет!

«Что-то случилось», – паникуя, подумала я, не ожидая уже ничего хорошего.

Следом за тетей из машины вышла худая высокая дама в сером брючном деловом костюме. Прямые черные волосы зачесаны назад и собраны в низкий пучок. Она выглядела элегантно и, пожалуй, ничуть не уступала матери Павла, то есть явно принадлежала к «тому миру».

– Что-то случилось, – повторила я, подсакивая со стула.

Первой в дом зашла тетя Тома. Посмотрев на меня, как на ворону, укравшую последнюю корку хлеба, она возвела руки к потолку, затрясла ими и заголосила:

– На кого ж ты меня покидаешь, Настюшка... Да отчего же жизнь такая ужасная... зараза несправедливая! Я растила тебя, кормила, холила и лелеяла, а теперь уедешь ты за леса и моря и позабудешь тетку свою добросердечную! Меня, несчастную, одинокую женщину, позабудешь! Горе-то како-о-ое!

– Хватит, Тамара Яковлевна, – недовольно произнесла высокая дама и сморщила нос. – К чему эти крики?

– Как к чему? Девоньку мою забираете, а я молчи? Да мы с ней столько лет – душа в душу! Мы с ней, точно два яблока на одной ветке, точно две березы в поле, точно две звездочки на небе... – Тетя Тома хлопнула ладонью по кухонному столу, топнула ногой и торжественно объявила: – Не отдам, не имеете права! Я в делах государственных разбираюсь, за-

коны читала. Не отдам!

— Мы будем разговаривать здесь или пройдем в комнату? — ровно спросила дама.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и направилась в комнату. И тут я почувствовала запах... один из тех, далеких, преследующих меня долгие годы... бархатный, сладкий, но отталкивающий.

— Что стоишь?.. — прошипела тетя Тома, поджала губы и устремилась за гостьей. — Настюшечке здесь хорошо, — запела она громче. — Так зачем же забирать? В городах ваших и воздух дрянь, и продукты дрянь, а здесь все свежее, натуральное! Она и хвори никакой не знает, уж я-то следила, заболела... — Тетка вытащила из рукава скомканный платок, высморкалась и принялась промокать глаза. — Не отдам, не отдам кровиночку... не разлучите вы нас... — Затем она сделала несколько шагов к шкафу, облокотилась о спинку кровати, застонала и неожиданно рухнула в глубоком обмороке на горку подушек. Почти в обмороке... Секунд через десять тетя Тома все же приоткрыла левый глаз и заинтересованно спросила: — А у вас нет еще какого-нибудь ребенка? Возраст и пол не имеют значения, я согласна на любого.

Дама бесшумно вздохнула, опять поморщилась и перевела взгляд на меня. Серо-голубые глаза холодно блеснули, тяжелые серьги с черными камнями качнулись и замерли.

— Ты очень похожа на мать, — тихо произнесла она, затем села на табуретку, положила ногу на ногу, достала из сумоч-

ки тонкую длинную сигарету и закурила.

Моим единственным желанием в эту минуту было доковылять до кровати и рухнуть рядом с тетей Томой.

Наверное, если бы не боль от разлуки с Павлом, я бы встретила будущее с интересом и волнением, но силы оставили меня. Я ровным счетом ничего не понимала и поучаствовать в происходящем толком не могла – мозг практически отключился, тело стало непослушным, ватным. Меня явно куда-то забирали, и женщина в сером костюме знала мою маму... Пожалуй, это вся информация, которую получилось усвоить... Я вновь подумала о Павле, о том, что за один день меня умудрились разлучить с ним дважды...

Если я уеду (куда?! зачем?!), то я его больше никогда не увижу... никогда... Почему он не спас меня? Не украл, не спрятал, не уберег?!

А потом на меня навалилось состояние под названием «все равно». Отчаяние ушло. Я превратилась в куклу.

– Пожалуй, я представлюсь. – Дама сдержанно улыбнулась. – Карина Филипповна Ланье. И я – твоя настоящая тетя. Но ты зови меня Корой. Ясно?

– Ясно.

– Я, между прочим, о ней заботилась! – обидчиво выпалила тетя Тома и подскочила.

– Да, за хорошие деньги, но теперь я сильно сомневаюсь, что вы их тратили по назначению. – Гостья скривила губы и продолжила: – Ты, Настя, выросла и должна вернуться в

дом, где жила раньше. Тебя ждет бабушка. Собери документы, вещи... Нет, вещи не надо, они ужасны.

— А-а... — произнесла я и замолчала. Собственно, и вопросов у меня не было. «Павел... Лилька... Славка... Доня... Коляка...» — имена пронеслись паровозиком, громыхнули, и болезненный холод сковал сердце.

— Будь добра, поторопись, — резко произнесла Карина Филипповна. — Я полдня провела за рулем, и мне еще предстоит дорога обратно.

В своей комнате я очнулась от сна. Взяла с полки чистую белую наволочку в розовый цветочек, сунула в нее шарф Павла, немного вещей (практически первых попавшихся) и конверт с маминой фотографией и ожерельем. Прижала получившийся мешок к груди и вернулась к Карине Филипповне.

— И убирайся! И уезжай! Надоела ты мне хуже горькой редьки! Заноза тощая! Сколько тебя ни корми — все не впрок! Дом хоть не подожгла, и то спасибо! — закричала тетя Тома и добавила столько бранных слов, что в конце концов запуталась, сбилась и побагровела от досады.

— Пойдем, — равнодушно произнесла Карина Филипповна и подтолкнула меня к двери. — А сумки у тебя нет? С этим тюком ты похожа на сироту из приюта. Впрочем... — Она помолчала и добавила еле слышно: — Так даже лучше, пусть она посмотрит на свое сокровище...

Последние слова пролетели мимо, да я и не смогла бы их

понять, даже если бы захотела. Я покорно поплелась к машине, рядом с которой уже маячили ребята и соседки. Наверное, именно в этот день, когда боль от потери Павла пробудила в душе первый росток силы, должна была измениться моя жизнь. И она изменилась.

Очутившись в салоне на заднем сиденье, я вдохнула все тот же сладковатый неприятный запах, положила тук рядом с собой и повернула голову к окошку.

Я уезжала из деревни?..

Да возможно ли это?! Не ошибка ли?! И куда несет меня судьба?!

– Карина Филипповна, вы ничего не перепутали? – услышала я свой голос.

– Я же сказала, зови меня Корой, – недовольно произнесла она. – Ты – Ланье. Это понятно?

– Нет.

Она усмехнулась.

– Ланье – одна из самых известных фамилий, глупышка. Нашей семье принадлежит весь ювелирный мир... Принадлежит вместе с потрохами, прошлым, настоящим и будущим. Теперь ясно?

– Да, – ответила я, и машина сорвалась с места.

Но мне ничего не было ясно...

Глава 6. Мой новый дом, или «Нам о многом нужно поговорить, не так ли?»

Теперь я знала, в каком городе живет Павел, по каким улицам ходит, в каких магазинах покупает одежду и продукты. Москва мелькала, шокировала, притягивала, давила, приглашала, отталкивала и звала. И, странно, она не была чужой. Нет, я не помнила высотных домов, больших рекламных плакатов и ярких вывесок, мне не снились суета людей, остановки, подъезды и клумбы, но тем не менее этот мир не казался невероятным и невозможным. Я редко смотрела телевизор у соседей, но зато часто листала журналы... Картинки стали реальностью...

За время пути я успела о многом подумать, я очень тосковала по Лильке и жалела, что не попрощалась с ней. Но кто бы мне позволил добежать до соседней деревни? Не Карина Филипповна, уж точно. У меня не получалось называть ее просто Корой, язык не поворачивался, но, схлопотав еще пять рассерженных замечаний, я начала настраивать себя на такое обращение. А в голове все время всплывало другое слово – Кобра.

Мысли о забытом прошлом тоже не давали покоя. Кто я? Почему жила с тетей Томой (или она вообще не моя род-

ственница?), почему меня увозят теперь?.. И куда ведет эта дорога?.. Что произошло, что изменилось? Бабушка... оказывается, у меня есть бабушка, которая ждет... А раньше ждала?

От нечего делать я придумывала различные невероятные истории, не имеющие никакого отношения к действительности, например: в детстве меня украли цыгане (перепутали с другим ребенком), увезли за тридевять земель (там перепутали еще раз), вернулись, поняли свои ошибки, попытались все исправить, но не получилось... Нормальная история без начала, смысла и конца, а если еще добавить безутешную родню, отправившуюся на поиски, родимое пятно где-нибудь в области подмышки, парочку роковых тайн и наследство, то картина вырисовывалась умопомрачительная... Я подбадривала себя как могла, вспоминая сюжеты прочитанных книг.

Вопросы тянулись бесконечной вереницей, но, полагаясь на судьбу, я не стала их задавать. До правды все равно оставалось не так уж много километров, а Карина Филипповна явно не собиралась посвящать меня в семейные тайны.

Машина остановилась около трехэтажного дома, напоминающего старинный особняк – строгий, аристократичный, цвета слоновой кости. Кругом кипела современная жизнь, и этот островок былого магнитом притягивал взгляд. Но, оглядевшись, на противоположной стороне улицы я увидела еще несколько похожих домов – меньше и гораздо скромнее, но

тоже весьма интересных. А метров через двести уже пестрел рекламой огромный магазин, высились зеркальные домины-пеналы, плоский гигантский телевизор менял картинки, мимо неслись машины, автобусы, облака...

У меня закружилась голова.

– Закрой рот, – усмехнулась Карина Филипповна. – Бери свой мешок, и пошли.

Дверь распахнул мужчина в серой униформе. Распахнул, сделал шаг назад и замер. Я поздоровалась и получила в ответ кивок.

Ноги сразу ступили на мягкий ковер, а в нос ударил еще один запах из прошлого – ровный, спокойный, ничего не горящий.

– А босоножки снимать? – поинтересовалась я, чувствуя себя мышонком, добровольно отправляющимся в пасть страшной ловушки.

– Не надо, – бросила Карина Филипповна и устремилась в глубь дома.

Нет, дом бабушки и дедушки Павла не был музеем... Музеем были вот эти царские хоромы... Даже в журналах я не видела такого... Золото и бархат, ковры и картины, широкие шкафы и тумбы (сияющие, отражающие свет хрустальных люстр и бра), тяжелые подсвечники, шторы, отливающие перламутром, светлый и темный блестящий паркет, изогнутая лестница с гладкими перилами, высокие потолки, на которых изображены какие-то девушки в покрывалах, анге-

лы, зеленые ветки, голуби... И зал размером с наше деревенское футбольное поле (не слишком подходящее сравнение по сути, зато отлично отражающее размер). Чуть ли не весь первый этаж – зал! Полупустой, гулкий и от этого – величественный!

В таком доме невозможно жить. Ну, нормальный человек не сможет... Я притормозила, быстро сняла босоножки, опасливо оглянулась и припустила за Кариной Филипповой, почти поднявшейся на второй этаж.

Она остановилась около массивной красноватой двери, приоткрыла ее и спросила:

– Мама, можно? Мы приехали.

«Мы приехали, – мысленно повторила я и, кажется, стала меньше в два раза. – Сейчас меня съедят. Точно. Зажарят и съедят...» В эту секунду я подумала о том, что тетя Тома даже очень неплохая женщина: и пила немного, и материлась не каждый день, и все же никого не убила (хотя попытки были...). Я хотела обратно – подальше от этого музея! Я хотела вернуться в свой привычный мир, где на потолке трещины, а не полуобнаженные феи с арфами и лютнями.

Вот так я и зашла в комнату, в новую жизнь: в одной руке наволочка с вещами, в другой – коричневые босоножки с пришитыми через край ремешками и отклеивающимися подошвами. Волосы в беспорядке, глаза точно два чайных блюдца, губы сжаты, выцветшее платье уныло висит на тощей фигуре... Я не вписывалась в этот сверкающий мир, я

была инородным телом, не пойми откуда взявшимся и срочно нуждающимся в стакане успокоительного горячего чая.

Запах... Резкий, терпкий, почти удушливый... Мужской или женский? Теперь я знала – женский. Он первым встретил меня в комнате, окружил со всех сторон и проник в сердце.

За столом на стуле, как на троне, восседала седовласая женщина неопределенного возраста. Ее лицо, украшенное (именно украшенное!) морщинами вокруг глаз и губ, было спокойным, но глаза горели и требовали ответа на вопросы, которые еще даже не прозвучали. Она напоминала императрицу – уверенную, властную, не терпящую отказа ни в чем...

На свете бывают разные бабушки: одни варят варенье, другие пекут пирожки, третьи читают на ночь сказки... Или есть бабушки, совершающие все эти приятности разом. Моя же... О-о-о... Я округлила глаза еще больше, вдохнула, выдохнула и, сдерживая страх, мужественно выпалила:

– Здравствуйте!

– Ты просила, я привезла, – усмехнулась Кора, прошла к столу, развернулась и скрестила руки на груди. – Могу отвезти обратно. Но только завтра, я устала.

– Нет, – тихо произнесла седовласая женщина и проткнула мое худенькое тельце острым взглядом. Я, защищаясь, прижала тюк к ноге. – Как тебя зовут? – зачем-то спросила она, конечно же, зная и имя, и фамилию.

– Анастасия Ланье.

– Ланье не может так выглядеть! – Голос треснул и гневно взлетел к потолку.

Честно говоря, бывали времена, когда я выглядела и похуже, но, наверное, об этом не стоило говорить... Видели бы они меня после «пострига», устроенного тетей Томой в пылу гнева, – все пастухи завидовали мне, и все дятлы стучали вслед.

– Кора, приведи ее в порядок. Я жду вас через два часа. Вещи выброси.

– Нет! – неожиданно для себя твердо и резко произнесла я. Видимо, росток силы отчаянно рванул вверх. Я ни за что не могла расстаться с маминой фотографией, ожерельем и шарфом Павла, да я бы (костлявый богомол) бросилась на амбразуру, защищая свое личное богатство! И я еще сама не знала, что могу вот так...

Кора наклонила голову набок, а брови бабушки изумленно поползли вверх.

– Ты говоришь мне «нет»?.. Браво! – Она засмеялась, и тяжелые, необыкновенно красивые бусы задрожали на ее груди. – Ты говоришь мне «нет»... Хорошо, твои пожитки останутся при тебе. Кора, займись этим... ребенком. Немедленно.

Когда я выходила из комнаты, до меня донеслось тихое, сухое и недовольное: «Почему же она похожа на мать, а не на Дмитрия... почему...»

Сначала мне выдали мягкую, шелковистую розовую пижаму и отправили в ванную. Я очень боялась, что ко мне приставят человека, который должен будет меня мыть... Но обошлось. Пижамы оказались великоваты.

Затем молчаливая, но суетливая девушка измерила каждый изгиб моего тела, сделала пометки в блокноте и ушла, а вернулась уже с разноцветными пакетами и коробочками, которые ей помогал нести симпатичный парень лет на пять старше меня. Как только он ушел, началась мучительная примерка... О, если бы Лилька увидела эту одежду: юбки, брюки, майки, кофточки, бриджи, туфли... Она бы подпрыгнула до потолка и бросилась немедленно надевать все по порядку! «Настька! – кричала бы она. – Мы в раю, Настька! Я похожа на Софи Лорен? А вот так? Я это все забираю себе!» И мы бы хохотали как ненормальные... Но меня вещи не радовали, они сковывали и ставили жирную печать принадлежности к чужому миру.

Потом уже другая девушка, приятно похожая на маленькую птичку, занялась моими волосами. Пришлось опять идти в ванную комнату (а это была именно комната!), мазать голову вонючим маслом, затем коричневой жидкостью, затем густым ароматным белым кремом, затем опять мыть... Меня сушили, причесывали и вновь сушили... Я вообще не понимала: зачем столько стараний, если для нормального вида достаточно мыла и воды (так и без волос остаться можно!).

Кора появилась ровно в восемь часов, я как раз стояла перед зеркалом и с любопытством разглядывала свое отражение. Длинные руки, длинные ноги, длинное тело. Суповой набор, упакованный в красивую обертку, но... во мне появилось что-то новое, и это никак не было связано с одеждой и прической... «Павел, если бы ты видел меня сейчас... ты бы не отказался... не оставил...»

– Ты готова? – резко спросила Кора.

– Да, – ответила я, обернувшись.

– Гораздо лучше...

Я полагала, мы вернемся к бабушке, но тетя повела меня в другое место – в столовую.

– Ужин сегодня раньше из-за тебя, – сообщила она на последней ступеньке лестницы, и фраза прозвучала с раздражением и упреком.

Мы прошли по залу и свернули вправо. От голода в животе сначала заурчало, а потом заняло протяжно и настойчиво. Мечта о тарелке борща и трех кусках черного хлеба с солью приобрела четкие очертания и подтолкнула вперед. Но интуиция подсказывала, что борща в этом доме мне не нальют...

Я еще не успела озадачиться вопросом, большая ли у меня семья, а ответ уже ждал за длинным столом, накрытым кремовой скатертью, заставленным белоснежными тарелками, бокалами, блюдами...

Первой, на кого я обратила внимание, была черноволо-

сая девушка, похожая на Кору («Моя двоюродная сестра?»). Затем я посмотрела на молодую женщину в черной вязаной кофте и встретила спокойный заинтересованный взгляд карих глаз («Наверное, родственница какая-то...»).

Полноватый, лысоватый мужчина в коричневом джемпере положил нож, вилку и промокнул рот салфеткой.

– Вот теперь ты действительно Ланье, моя дорогая! – торжественно произнесла бабушка, поднимаясь со стула. – Добро пожаловать в нашу семью.

– Здравствуйте, – кивнула я и нервно закусила нижнюю губу, чтобы не добавить «товарищи». Почему-то именно это совершенно неподходящее моменту слово вертелось на языке. А еще дурацкий смех подскочил к горлу!

– Твое место здесь. – Кора указала на свободный стул и села рядом с мужчиной.

– Я познакомлю тебя со всеми, – усаживаясь, сказала бабушка. – Что ж... Начнем... Я – Эдита Павловна Ланье, твоя бабушка. – Она посмотрела на молодую женщину в черной кофте и продолжила: – Нина Филипповна Ланье – моя младшая дочь, твоя тетя. Семен Германович Чердынцев – муж Кору и, соответственно, твой дядя. Валерия Ланье – твоя двоюродная сестра. Мы свято чтим семейные ценности и не допускаем в свою жизнь недостойных людей. А также мы не совершаем опрометчивых и постыдных поступков, за которые потом приходится краснеть. Далеко не всегда нужно следовать мимолетным порывам, человеку дан разум, и об этом

не стоит забывать. Ты кого-нибудь помнишь из нас?

– Нет, – ответила я, мысленно повторяя прозвучавшие имена. Похоже, фамилия имела для Эдиты Павловны особое значение, и она не упускала возможности с гордостью произнести ее вслух.

– Странно... А что ты помнишь? Нет, об этом после. Сейчас мы будем ужинать.

Нина Филипповна молча положила мне салаты, маленькие бутербродики, кусок рыбы. Я поблагодарила и... продемонстрировала новой семье отличный аппетит! Не знаю, почему мне столь сильно хотелось есть, наверное, сказались стрессы, которых было слишком много для одного дня.

– Мы ее не прокормим, – сказала со смехом Кора, когда на моей тарелке ничего не осталось. Но бабушка одарила ее таким взглядом, что дальше шутить тетя не стала.

Валерия сидела на противоположной стороне стола, немного правее, и мы с ней постоянно обменивались взглядами. «У меня есть двоюродная сестра... надо же... и возраста мы приблизительно одинакового... Наверное, подружмся...» – наивно думала я, робко улыбаясь.

После ужина бабушка отвела меня на второй этаж, в комнату со светло-бирюзовыми стенами, полупрозрачными шторами и большой кроватью, и сообщила:

– Эта комната твоя.

– А вещи? – ринулась я защищать свое имущество.

– Не волнуйся. – Она указала на тюк, лежащий в углу око-

ло двери.

– Спасибо.

– Нам о многом нужно поговорить, не так ли?

– Да...

Уж с этим я не собиралась спорить. Я мечтала узнать побольше о маме, о папе, о себе... Да я миллион лет с надеждой и тоской желала этого! И вот наконец-то появилась возможность.

Эдита Павловна подплыла к креслу, села и сложила руки на коленях. Я устроилась на краю кровати.

– Что ты помнишь? – строго спросила она, прищурившись, отчего морщины вокруг глаз стали заметнее.

– Ничего.

– То есть?

– Я ничего не помню, – честно объяснила я.

– Но этого не может быть... – Эдита Павловна посмотрела на меня с ледяным недоверием. – Родителей?

– Нет.

– Как ты жила здесь?

– Нет.

– Меня?

– Нет.

Погрузившись в раздумья, бабушка просидела молча минут пять (по лицу проносились тени, указательный палец правой руки изредка постукивал по подлокотнику кресла). Не желая ей мешать, пользуясь возможностью выстроить в

ряд собственные вопросы, я сидела тихонько.

– Наверное, та ночь оказалась слишком тяжелой для тебя... – еле слышно произнесла она. – Тем лучше...

– А почему я жила с тетей Томой? И, пожалуйста, расскажите мне хоть что-нибудь о родителях. Я должна знать! И фотографии... я бы посмотрела их!

Сдержанности хватило ненадолго, я подалась вперед и задрожала от волнения и нетерпения.

– Что ж, ты права... Пора тебе узнать о прошлом. – Эдита Павловна повернула голову к окну и отстраненно, ровно произнесла: – Мой сын Дмитрий женился на твоей матери около семнадцати лет назад, затем появилась ты. Они очень любили друг друга, но трагедия унесла их жизни... Эта комната была твоей с рождения.

– Правда?.. – Я изумленно огляделась и увидела на полке шкафа деревянные, покрытые лаком фигурки животных: слон, жираф, тигр... Фигурки не были детскими игрушками – украшение, – но мне они показались знакомыми.

– Мы сделали некоторую перестановку и обновили интерьер... – Эдита Павловна вновь помолчала и продолжила: – Скажу честно, с твоей матерью у меня были не слишком хорошие отношения, но мы старались вести себя достойно. Да, достойно. – Эдита Павловна выпрямилась и добавила резко: – Твои родители погибли в автомобильной катастрофе, когда тебе исполнилось шесть лет, для меня это оказалось огромным ударом, с которым я не могу справиться по сей

день. Да, я виновата перед тобой и признаю это.

– Я...

– Мне тяжело было видеть тебя, Анастасия. Слишком тяжело. Я полагала, Тамара Яковлевна будет хорошо заботиться о тебе. Конечно, временно... Каждый месяц она получала средства на твое содержание. Кстати, о средствах... Я выдам тебе немного наличных денег, и ты получишь пластиковую карту, с помощью которой сможешь расплачиваться в магазинах. Учти, я не одобряю транжирство, и моя доброта имеет четкие границы. Ясно?

– Да.

– Я попрошу Валерию объяснить тебе, как пользоваться картой. С мобильным телефоном ты знакома?

– Нет, – мотнула я головой.

– Да, я совершила ошибку, нужно было отправить тебя в какую-нибудь частную школу. Как ты училась?

– Хорошо.

– Вряд ли ты могла получить в деревне достойное образование.

«А нельзя ли вернуться к разговору о моих родителях?» – хотела попросить я, но Эдита Павловна решительно поднялась и направилась к двери.

– На сегодня хватит. Остальное ты узнаешь позже.

Остальное я действительно узнала позже, но часть правды не пришлось долго ждать...

Через час ко мне пришла Валерия. Положив на прикроватную тумбочку серебристый мобильный телефон и два конверта, она подошла к окну, уселась на широкий подоконник и с улыбкой протянула:

– Ну-у-у, сестричка, привет. Давно не виделись.

– Привет, – легко ответила я и тоже улыбнулась.

Наверное, у меня включился инстинкт самосохранения, я и сама удивилась, откуда во мне столько радости, доброжелательности и жажды общения? По сути, окружающие меня люди были чужими, а в душе еще горела боль разлуки с привычной жизнью. Но, несмотря на обстоятельства, в этот момент я походила на счастливого представителя рабочего класса, махающего красным флажком во время праздничной демонстрации, подпрыгивающего на месте от восторга и с ликованием выкрикивающего: «Миру – мир!» То есть я минут на пять попросту чокнулась. Стояла и улыбалась.

– Ты меня не помнишь? Я тебя тоже не очень-то помню, – произнесла Лера, равнодушно скользя взглядом по комнате. – Там, – она кивнула на тумбочку, – деньги... Я стрельнула немного, не возражаешь?

– Нет.

Если учесть, что раньше тетя Тома выделяла мне деньги строго на поход в магазин и затем тщательно проверяла сдачу, я вообще не претендовала ни на какие средства и не нуждалась в них. А уж для вновь обретенной двоюродной сестры я была готова снять последнюю рубашку!

– Еще там карточка... Надеюсь, с банкоматом ты разобратся сможешь. В твоей деревне были банкоматы? – Ее карие миндалевидные глаза насмешливо блеснули.

– Нет, – опять ответила я, слабо представляя, о чем речь. Мои познания по данной теме опять сводились к информации из журналов и беседам с библиотекаршей Валентиной Сергеевной. Весь мир уже давно пользовался пластиковыми карточками, а мы с тетей Томой иногда просто меняли патиссоны на яйца. Да, наши патиссоны в деревне были самыми лучшими – аккуратненькими, ровными и красивыми, уж не знаю, почему... Мы за ними практически не ухаживали. Сторож Дмитрий Петрович говорил, что кругом неправильная кислая почва, и только наш участок эта беда не коснулась, и если бы мы не ленились и сажали еще и капусту, то стали бы богачами... Рассказывать Лере о наших с тетей Томой достижениях я не стала, а попыталась выудить из памяти хоть какие-нибудь познания о банкоматах.

«М-м-м... суют карту... жмут кнопку и... и получают деньги... м-м-м... как в Америке... Господи, помоги мне!»

– Ну и плевать, – пожалала Лера плечиком. – А к мобильнику инструкция прилагается, сама разберешься.

– Ладно, – уверенно согласилась я, желая победить все блага цивилизации самостоятельно одним махом. Выйду на улицу с мобильным телефоном и разберусь... Главное – дорогу потом найти обратно.

– У тебя, наверное, куча вопросов, – небрежно произнесла Лера. – Не скажу, что я много знаю, но... задавай.

Неожиданно она показалась мне очень похожей на Лизу, сестру Павла, отчего радости в моей душе прибавилось. Та же тонкая улыбка, та же манера говорить... И мимика, и вздернутый нос...

Но вопросов действительно было много, а уж как я мечтала об ответах...

– А что тебе известно о моих родителях?

– Погибли в автомобильной катастрофе.

Коротко и ясно. Но это не новость...

– А почему меня сначала отправили к тете Томе, а затем...

– О! – перебила Лера, закатив глаза к потолку. – Как ты не понимаешь! Все же просто. – Она оживилась, качнула ногами и поправила волосы.

– Да?

– Бабушка терпеть не могла твою мать, уж не знаю, какая кошка пробежала между ними... А ты на нее очень похожа. И потом, ее любимая внучка – я. Понятно?

Она все больше и больше становилась похожей на Лизу...

– Ну и оставили бы меня в деревне, – выдохнула я с ностальгическими нотками.

– К сожалению, – не скрывая досады, ответила Лера, – так не получилось... Понимаешь, бабушка очень боится смерти – в церковь зачастила, молитвы учит, икону в спальне повесила. Совесть ее мучает, и кошмары снятся, будто приходит к ней призрак в белой одежде с косой в руках и повторяет только одно слово: Анастасия, Анастасия, Анастасия... – Лера многозначительно усмехнулась. – Я однажды подслушала ее разговор с доктором. Короче, то, как она с тобой поступила, по ее мнению, тяжкий грех. Вот она и решила исправить ошибку – вернуть тебя в семью и признать внучкой. Иначе же рая не видать! Бред, конечно, самый настоящий бред и старческий маразм... Вот уж жили – не тужили! – Лера театрально всплеснула руками и хлопнула ладонями по коленям. – А тебя, кстати, никто и не вспоминал.

Соскочив с подоконника, она прошла мимо и направилась к двери.

«Значит, я – ночной кошмар Эдиты Павловны Ланье, – подумала я, морщась. – А раньше была кошмаром тети Томи... Ясно... – Положение уже не казалось плачевным, наоборот, оно стало нормальным и привычным. Я вздохнула, подошла к окну и поймала следующую мысль, которая пронеслась стрелой и поставила точку в моих переживаниях за день: – Интересно, чьим кошмаром мне еще предстоит стать?..»

Глава 7. Меня немножко похищают и немножко шокируют...

Денег, полученных от бабушки, оказалось столько, что я вполне могла купить поросенка, но в нем я совершенно не нуждалась. Зато от самого обыкновенного почтового конверта я бы уж точно не отказалась. Лилька. Я думала о ней! Если отправить письмо, то на душе станет легче, а потом, конечно, придет ответ...

На следующий день, позавтракав в одиночестве, послонявшись по дому (особо никуда не заглядывая), я узнала у кухарки, что никто из семейства Ланье до обеда не появится, и решила отправиться на первую прогулку по Москве. Не слишком-то у меня было много мужества для этого, но тоска и любопытство сделали свое дело. Взяв мобильный телефон, пластиковую карточку и отвагу, я вышла на улицу.

С телефоном у меня пока отношения не складывались, но я не отчаивалась... Несколько номеров изначально присутствовали в папке «Контакты», свой номер я на всякий случай тоже выучила, но практические навыки сводились лишь к одному вызову (я случайно позвонила Коре и выслушала короткую малоприятную речь на тему «В следующий раз, дорогуша, шевели мозгами, когда собираешься что-то сделать») и нелепой фотографии собственных коленок. Кто ж знал, что телефоны умеют фотографировать...

Шум машин и всеобщая суета на несколько минут привели меня в состояние шока, но затем сердце забилось ровно, и я, наоборот, всем своим существом потянулась к этому забытому миру. Страх исчез. Бодро зашагав в сторону высотных домов, постоянно оглядываясь по сторонам, я старалась запомнить дорогу, чтобы потом не голосить: «Люди добрые, помогите найти свой дом! Он большой и светлый!» Легкий ветерок приятно обдувал лицо, настроение улучшалось с каждой минутой. Я точно вырвалась на свободу и знакомилась не с городом, а с собой! Казалось, все эти окна, крыши, деревья, клумбы, подъезды, автобусные остановки, плакаты – это я. Разноцветная, угловатая, новенькая или старенькая, дерзкая или робкая, особенная или обыкновенная... Все сразу или по очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.